

В. И. Ленин (Вен.)

TOM 5

Владимир Ильич Ленин
Полное собрание сочинений.
Том 5. Май – декабрь 1901
Серия «Полное собрание
сочинений в 55-ти томах», книга 5

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17083514

*Полное собрание сочинений: Издательство политической литературы;
Москва; 1967*

Аннотация

В пятый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные им в период с мая по декабрь 1901 года.

Содержание

Предисловие	5
1901 г.	19
С чего начать?{ 1 }	19
Новое побоище	33
Секретный документ	42
Гонители земства и Аннибалы	43
либерализма{ 14 }	
I	46
II	60
III	69
IV	79
V	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание
сочинений
Том 5
Май ~ декабрь 1901

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению Центрального Комитета
Коммунистической Партии Советского Союза

Предисловие

В пятый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные им в период с мая по декабрь 1901 года.

Обстановка этого периода в России характеризовалась усилением революционного движения, направленного против царизма и всех остатков крепостничества, тормозивших экономическое и политическое развитие страны. Разразившийся мировой экономический кризис охватил к этому времени и Россию. Ввиду особенности экономики России, где быстрое развитие капитализма уживалось с многочисленными остатками крепостничества, последствия кризиса, совпавшего с неурожаем и голодом в ряде губерний, проявились особенно сильно. Разорялись и вытеснялись мелкие и средние предприятия. Усилилась концентрация промышленности, начали возникать монополистические объединения капиталистов. Капитализм в России становился империалистическим.

Кризис способствовал нарастанию революционных настроений в народных массах и обострению классовой борьбы. Выступления рабочих принимали все более массовый, политический характер. От экономических стачек и борьбы за улучшение условий труда и быта рабочие переходили к открытой политической борьбе против царизма – политиче-

ским стачкам, демонстрациям. Рабочее движение поднималось на более высокую ступень.

Под влиянием революционной борьбы рабочих обострялась классовая борьба в деревне. Учащались и становились более массовыми волнения крестьян, их выступления против помещиков. Усилилось движение среди студентов, оживилось земско-либеральное движение. В России назревала революция.

Социал-демократическое движение приняло к этому времени широкий размах. Комитеты и группы имелись в ряде крупных городов (Петербург, Москва, Тула, Иваново-Вознесенск, Одесса, Харьков, Баку, Тифлис и др.). Но все эти организации не были связаны между собой и отставали от стихийного подъема масс. Необходимо было объединить все революционные социал-демократические силы, развернуть борьбу с кустарничеством, идейными шатаниями, «экономизмом». Перед социал-демократией все с большей настоятельностью выдвигалась задача создания пролетарской партии, способной возглавить борьбу рабочего класса в предстоящей революции.

Основное содержание тома составляют произведения, посвященные дальнейшему развитию выдвинутой Лениным идеи создания боевой, централизованной марксистской рабочей партии в России, разработке принципов организационного строения партии, ее программы, ее политики и тактики в условиях приближавшейся революции. В этих про-

изведениях отражается борьба В. И. Ленина против «экономистов» и ревизионистов за революционную теорию марксизма; его деятельность по сплочению революционной социал-демократии и руководству революционным движением в России.

Том открывается статьей «С чего начать?», опубликованной в № 4 «Искры» в мае 1901 года, в которой разъясняются важнейшие задачи социал-демократии, излагается план создания общероссийской марксистской партии. Ленин считал, что в условиях самодержавного режима и полицейских преследований основным звеном, с которого следует начать строительство партии, является общероссийская нелегальная марксистская газета. «По нашему мнению, – писал он, – исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основною нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию, – должна быть постановка общерусской политической газеты» (настоящий том, стр. 9).

В статье отмечается важное значение газеты в деле налаживания и ведения систематической, принципиально выдержанной, всесторонней пропаганды и агитации, в организации работы социал-демократии по политическому просвещению, идейному воспитанию и организации масс. Ленин указывал, что газета должна стать не только коллективным пропагандистом и коллективным агитатором, но и коллек-

тивным организатором. Особенно он подчеркивал роль газеты как главного средства идейного и организационного сплочения всех комитетов социал-демократии. Сеть местных агентов, создаваемая при газете в целях обеспечения ее материалами и распространения на местах, «будет остоном именно такой организации, – писал Ленин, – которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение труда; достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких «поворотах» и неожиданностях вести неуклонно *свою* работу; достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны, чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения» (стр. 12).

В статье «Беседа с защитниками экономизма» Ленин разоблачает оппортунистические воззрения «экономистов», их неумение разобраться в вопросе о взаимоотношениях между стихийными «материальными» и сознательными идеологическими элементами движения. С особой силой подчеркивает Ленин значение революционной марксистской идеологии для партии рабочего класса, роль партии в рабочем движении как политического руководителя, идеолога, вождя масс, вооруженного передовой теорией и способного руководить

движением. «Экономисты» «не понимают, – писал Ленин, – что «идеолог» только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет *вперед* стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые «материальные элементы» движения стихийно наталкиваются» (стр. 363).

Ленин глубоко раскрыл оппортунистическую сущность «экономизма». Он показал, что «экономизм» как направление характеризуется: в принципиальном отношении – опошлением марксизма и беспомощностью перед современной «критикой», являющейся разновидностью оппортунизма; в политическом отношении – стремлением сузить политическую агитацию и политическую борьбу, непониманием того, что, не взяв в свои руки руководства общедемократическим движением, социал-демократия не сможет свергнуть самодержавие; в тактическом отношении – полной неустойчивостью; в организационном отношении – непониманием того, что массовый характер движения не только не ослабляет, а, напротив, усиливает обязанность социал-демократии «создать крепкую и централизованную организацию революционеров, способную руководить и подготовительной борьбой, и всяким неожиданным взрывом, и, наконец, последним решительным нападением» (стр. 365).

Печатаемые в томе выступления В. И. Ленина на «объединительном» съезде зарубежных организаций РСДРП, «Пре-

дисловие к брошюре «Документы «объединительного» съезда», заметка «Ответ С.-Петербургскому комитету» и др. освещают борьбу В. И. Ленина и революционных социал-демократов за искровские идеи и тактику против «Союза русских социал-демократов», проповедующего взгляды «экономистов». В них Ленин разъясняет, что объединение с «Союзом» возможно лишь на основе полного отказа его от заигрывания с «экономизмом» и бернштейнианством и признания принципов и тактики революционной социал-демократии. В заметке «Заграничные дела» сообщается об объединении заграничных организаций «Искры» и «Зари» и революционной организации «Социал-демократ» в «Заграничную лигу революционной русской социал-демократии».

Значительное место в томе занимает произведение «Аграрный вопрос и «критики Маркса»», посвященное защите и дальнейшей разработке марксистской теории аграрного вопроса. В этом произведении Ленин подверг всесторонней критике русских ревизионистов Булгакова, Чернова и немецких – Давида, Герца и др., которые выступали с «критикой» революционного учения марксизма, пытались доказать неприменимость марксистской теории к сельскому хозяйству, отрицали капиталистическую эволюцию сельского хозяйства.

Ленин показал научную несостоятельность модной «критики марксизма», раскрыл суть теоретических воззрений ревизионистов, заключающуюся в беспомощном повторении

избитых доводов реакционных буржуазных экономистов. Он разбил лживые измышления ревизионистов об устойчивости мелких и средних хозяйств в земледелии, разоблачил их попытки обойти важнейшие социальные проблемы, составляющие суть аграрного вопроса, затушевать действительные причины отсталости сельского хозяйства и обнищания крестьянских масс, коренящиеся в остатках крепостничества, в частной собственности на землю, в капиталистической системе отношений. «Буржуазный апологет, – писал он, – естественно, стремится игнорировать общественные и исторические причины отсталости земледелия, сваливая вину на «консервативность сил природы» и на «закон убывающего плодородия». Ничего, кроме апологетики и тупоумия, не содержится в этом пресловутом законе» (стр. 232).

На основе глубокого марксистского анализа экономических данных сельского хозяйства России, Германии, Дании Ленин убедительно доказал, что открытые Марксом экономические закономерности капитализма действуют и в сельском хозяйстве. В нем также совершается процесс капиталистического развития со всеми присущими ему противоречиями. Усиливается концентрация производства, расслоение крестьянства, вытеснение и разорение средних крестьянских хозяйств, рост незначительного числа богатых, пролетаризация большинства сельского населения, обострение классовой борьбы в деревне. «... Статистика *всего* земледельческого населения показывает нам с полной наглядно-

стью, — писал Ленин, — именно те два процесса пролетаризации, на которые всегда указывал ортодоксальный марксизм и от которых такими шаблонными фразами стараются отговориться оппортунистические критики, — с одной стороны, растущее обезземеление крестьянства, экспроприация сельского населения, бегущего в города или превращающегося из рабочих с землей в рабочих без земли; — с другой стороны, развитие «подсобных заработков» крестьянства, т. е. того соединения земледелия с промышленностью, которое означает первую ступень пролетаризации и ведет всегда к усиленному росту нужды (удлинение рабочего дня, ухудшение питания и пр.)» (стр. 220). Ленин указывал, что обострение всех противоречий в деревне неизбежно ведет к росту недовольства массы крестьянства и что трудящееся крестьянство может стать надежным союзником пролетариата в предстоящей революции.

Ленин развил дальше революционное учение марксизма по аграрному вопросу. Он разработал положения о конкуренции в сельском хозяйстве; о наличии в нем двух монополий: монополии частной собственности на землю и монополии капиталистического хозяйства на земле; восстановил и развил марксистское учение о дифференциальной и абсолютной ренте. Произведение «Аграрный вопрос и «критики Маркса»», развивающее идеи и положения, сформулированные В. И. Лениным в труде «Развитие капитализма в России», явилось основой разработанной им аграрной програм-

мы РСДРП и тактики партии по отношению к крестьянству.

В помещенных в том же тезисах «Анархизм и социализм» Ленин раскрывает социальную сущность и политическое содержание анархизма. Он показывает, что анархизм, претендующий на роль выразителя интересов рабочего класса, на деле является мелкобуржуазным течением, «вывороченным наизнанку буржуазным *индивидуализмом*», выражающим психологию «выбитого из колеи интеллигента или босняка». Миросозерцание анархизма основывается на непонимании причин эксплуатации, роли крупного производства в развитии общества и неизбежности замены капитализма социализмом; на непонимании классовой борьбы пролетариата, роли государства. Анархизм стоит на позициях защиты мелких собственников и мелкого хозяйства на земле, отрицает необходимость организации и воспитания рабочих и ведет к «подчинению рабочего класса *буржуазной* политике под видом отрицания политики».

В статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» Ленин разрабатывает тактику марксистской партии по отношению к либеральной буржуазии. На основе материалов секретной «Записки» министра финансов Витте и предисловия к ней Р. Н. С. (Струве) Ленин показывает стремление царского правительства ограничить роль земства, которое оно рассматривало как уступку революционному движению 60-х годов. В статье разоблачаются иллюзии либералов, которые, не считаясь с реальной действительностью и не пони-

мая сущности земства, рассматривали его как зародыш конституционного самоуправления. Ленин раскрыл политическую сущность либерализма, мнимую революционность русских либералов, их нежелание и неспособность отстаивать даже сколько-нибудь демократические требования. Он указывает, что все устремления русского либерализма сводились к тому, чтобы использовать революционные настроения масс для запугивания царизма революцией и вырвать у него жалкие реформы, угодные буржуазии и обуржуазившимся помещикам. Ленин считал, что социал-демократия, поддерживая всякое движение, направленное против самодержавия, должна разоблачать иллюзии русского либерализма, его «политику широковещательного красноречия и позорной дряблости», разъяснять вред иллюзий либерализма для революционного движения.

В заметке «О журнале «Свобода»» Ленин разоблачает оппортунистическую позицию издающей журнал группы «Свобода». Ленин критикует извращение и вульгаризирование журналом социалистических идей. Он учит, как надо действительно популярно и доходчиво писать для рабочих, помогать им на самых простых общественных примерах понимать сложные выводы и положения глубокого теоретического учения марксизма.

Ряд вошедших в том статей является образцом революционной публицистики Ленина. В них изобличается полицейский гнет царизма, вскрываются социально-экономиче-

ские и политические причины неизбежности усиления революционных настроений, определяются перспективы революционного движения в России. В статье «Уроки кризиса» Ленин показывает, как с развитием капитализма обострение основного противоречия капиталистической системы между становящимся все более общественным характером производства и остающимся частным присвоением делает неизбежным циклично повторяющиеся экономические кризисы, потрясающие всю систему капитализма. «Гигантские крахи только потому и стали возможны и неизбежны, – указывает Ленин, – что в подчинении у шайки богачей, ищущих одной наживы, оказались могучие *общественные* производительные силы» (стр. 83). Кризисы, являющиеся неизбежным спутником капиталистического способа производства, подготавливают почву для новых, еще более глубоких кризисов, ведущих капитализм к гибели.

Ленин разоблачает попытки буржуазных апологетов и ревизионистов представить кризис как случайное для капитализма явление. Он раскрывает несостоятельность доводов ревизионистов. «Кризис показывает, – пишет он, – как близоруки были те социалисты (называющие себя «критиками», должно быть, на том основании, что они без критики перенимают учения буржуазных экономистов), которые два года тому назад шумно заявляли о том, что крахи становятся теперь менее вероятными» (стр. 85).

В статье подчеркивается, что кризисы будут продолжаться-

ся до тех пор, пока армии социалистического пролетариата низвергнут господство капитала и частной собственности. На примере России показывается, как разрушительные действия кризиса, проявляющиеся особенно сильно и остро, учат рабочих осознавать свои классовые интересы, теснее спланиваться и организовываться для решительных действий против капитализма.

В статьях «Новое побоище», «Начало демонстраций», «Ценное признание» и др. характеризуется подъем революционного рабочего движения, переход рабочих от экономических стачек к политическим стачкам и демонстрациям, к открытому выступлению против царского самодержавия. Ленин отмечает рост политической сознательности и революционной активности рабочего класса, подчеркивает задачу социал-демократии возглавить рабочее движение, бороться за гегемонию пролетариата, разъяснить необходимость борьбы «за свободу всего народа».

В ряде статей освещается бедственное положение крестьянства России, обреченного кризисом и голодом на разорение и вымирание; показывается пробуждение крестьянских масс от вековой покорности и забитости к революционной борьбе против помещиков. В статьях «Голод» и «Отношение к кризису и к голоду», объединенных при публикации в журнале «Заря» общим заголовком «Внутреннее обозрение», а также в статьях «Борьба с голодающими» и др. изобличается крепостническая политика царского пра-

вительства, защищавшего интересы помещиков, стремившегося скрыть тяжелое положение голодающих крестьян и казавшего частных благотворителей за оказание помощи голодающим. Ленин показывает страх царизма перед крестьянским восстанием, его стремление подавить силой или различными уловками предотвратить революционное выступление крестьянства. Он разъяснял, что правительственный циркуляр о помощи голодающим в действительности является объявлением «войны против голодающих» и тех, кто им помогает; временные правила об организации работ для голодающих являются «каторжными правилами», притесняющими и закабаляющими крестьян. В статье «Крепостники за работой» Ленин раскрывает крепостническую, реакционную сущность правительственного закона об отводе частным лицам казенных земель в Сибири, преследовавшего цель удовлетворить запросы крепостников и создать в Сибири надежную опору самодержавию. В этих произведениях отмечается рост протеста в крестьянстве, подчеркиваются общие интересы в предстоящей революции рабочих и крестьян, которых сближают «... не только безработица и голод, но также и тот полицейский гнет, который отнимает у рабочих возможность соединения и защиты, отнимает у крестьян даже приходящую к ним от доброхотных жертвователей помощь. Тяжелая полицейская лапа становится во сто раз тяжелее для миллионов народа, потерявшего всякие средства к жизни» (стр. 86).

В разделе «Подготовительные материалы» печатаются планы, конспекты, первоначальные варианты и другие подготовительные материалы к статьям «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (печатается впервые), «Крепостники за работой», «Новое побоище» и др.

«Поправки и замечания к проекту устава Заграничной организации русской революционной социал-демократии» (печатается впервые) по своему содержанию примыкают к заметке «Заграничные дела». Они раскрывают деятельность В. И. Ленина по объединению заграничных организаций революционной российской социал-демократии, его борьбу за отстаивание руководящей роли «Искры» в этом объединении, за искровские принципы и тактику в его деятельности.

«Замечания к статье Рязанова «Две правды»» (печатается впервые), написанной им для «Искры», характеризуют редакционную работу В. И. Ленина в «Искре». Ленин подвергает критике субъективистские взгляды автора, его неумение разобраться в обстановке, переоценку им роли Н. К. Михайловского в освободительном движении.

Имеющиеся в большом количестве подготовительные материалы к работе «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» составят отдельный том.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

1901 г.

С чего начать?^[1]

Написано в мае 1901 г.

Напечатано в мае 1901 г. в газете «Искра» № 4

Печатается по тексту газеты

Первая страница газеты «Искра» № 4 со статьей В. И. Ленина «С чего начать?»— 1901 г. (*Уменьшено*)

Вопрос: «что делать?» за последние годы с особенной силой выдвигается перед русскими социал-демократами. Речь идет не о выборе пути (как это было в конце 80-х и начале 90-х годов), а о том, какие практические шаги и как именно должны мы сделать на известном пути. Речь идет о системе и плане практической деятельности. И надо признать, что этот основной для практической партии вопрос о характере и способах борьбы остается у нас все еще нерешенным, возбуждает все еще серьезные разногласия, обнаруживающие прискорбную неустойчивость и шатание мысли. С одной стороны, далеко еще не умерло «экономическое» направление^[2], старающееся обкарнать и сузить работу политической организации и агитации. С другой стороны, по-прежнему гордо поднимает голову направление беспринципного эклектизма, подделывающегося под каждое новое «веяние», не умеющего отличать запросов минуты от основных задач и постоянных нужд движения в его целом. Как известно, такое направление свило себе гнездо в «Рабочем Деле»^[3]. Его последнее «программное» заявление – громкая статья под громким заглавием «Исторический поворот» (номер 6 «Листка «Рабочего Дела»»^[4]) – особенно наглядно подтверждает сделанную характеристику. Еще вчера мы заигрывали с «экономизмом», негодовали по поводу решительного

осуждения «Рабочей Мысли»^[5], «смягчали» плехановскую постановку вопроса о борьбе с самодержавием, — а сегодня мы уже цитируем слова Либкнехта: «Если обстоятельства изменятся в 24 часа, то нужно и тактику изменить в 24 часа», мы уже говорим о «крепкой боевой организации» для прямой атаки, для штурма на самодержавие, о «широкой революционной политической (вот уж как энергично: и революционной и политической!) агитации в массе», о «неустанном призыве к уличному протесту», об «устройстве уличных манифестаций резко (sic!¹) политического характера» и проч., и т. п., и т. д.

Мы могли бы, пожалуй, выразить удовольствие по поводу того, что «Раб. Дело» так быстро усвоило выдвинутую нами уже в первом номере «Искры»^[6] программу создания крепкой организованной партии, направленной на завоевание не только отдельных уступок, но и самой крепости самодержавия, но отсутствие у усвоивших всякой твердой точки зрения способно испортить все удовольствие.

Имя Либкнехта «Раб. Дело», конечно, приемлет все. В 24 часа можно изменить тактику агитации по какому-нибудь специальному вопросу, тактику проведения какой-нибудь детали партийной организации, а изменить не только в 24 часа, но хотя бы даже в 24 месяца свои взгляды на то, нужна ли вообще, всегда и безусловно боевая организация и политическая агитация в массе, могут только лю-

¹ Так! Ред.

ди без всяких устоев. Смешно ссылаться на различие обстановки, на смену периодов: работать над созданием боевой организации и ведением политической агитации обязательно при какой-угодно «серой, мирной» обстановке, в период какого-угодно «упадка революционного духа» – более того: именно при такой обстановке и в такие периоды особенно необходима указанная работа, ибо в моменты взрывов и вспышек поздно уже создавать организацию; она должна быть наготове, чтобы сразу развернуть свою деятельность. «Изменить в 24 часа тактику»! Да для того, чтобы изменить тактику, надо прежде иметь тактику, а если нет крепкой организации, искушенной в политической борьбе при всякой обстановке и во всякие периоды, то не может быть и речи о том систематическом, освещенном твердыми принципами и неуклонно проводимом плане деятельности, который только и заслуживает названия тактики. Посмотрите в самом деле: нам говорят уже, что «исторический момент» выдвинул перед нашей партией «совершенно новый» вопрос – о терроре. Вчера «совершенно новый» был вопрос о политической организации и агитации, сегодня – вопрос о терроре. Не странно ли слышать, как люди, до такой степени не помнящие родства, рассуждают о коренном изменении тактики?

К счастью, «Раб. Дело» не право. Вопрос о терроре совершенно не новый вопрос, и нам достаточно вкратце напомнить установившиеся взгляды русской социал-демократии.

Принципиально мы никогда не отказывались и не можем

отказываться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях. Но суть дела именно в том, что террор выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения. Да при отсутствии центральной и слабости местных революционных организаций террор и не может быть ничем иным. Вот поэтому-то мы решительно объявляем такое средство борьбы при данных обстоятельствах несвоевременным, нецелесообразным, отвлекающим наиболее активных борцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи, дезорганизуя не правительственные, а революционные силы. Вспомните последние события: на наших глазах широкие массы городских рабочих и городского «просто народа» рвутся к борьбе, а у революционеров не оказывается штаба руководителей и организаторов. Не грозит ли при таких условиях уход самых энергичных революционеров в террор ослаблением тех боевых отрядов, на которые только и можно возлагать серьезные надежды? Не грозит ли это разрывом связи между революционными организациями и теми разрозненными массами недовольных, протестующих и готовых к борьбе, которые слабы именно своею разрозненностью? А ведь в этой связи — единственный залог на-

шего успеха. Мы далеки от мысли отрицать всякое значение за отдельными героическими ударами, но наш долг – со всей энергией предостеречь от увлечения террором, от признания его главным и основным средством борьбы, к чему так сильно склоняются в настоящее время очень и очень многие. Террор никогда не может стать заурядным военным действием: в лучшем случае он пригоден лишь как один из приемов решительного штурма. Спрашивается, можем ли мы в данный момент *звать* на такой штурм? «Раб. Дело», по-видимому, думает, что да. По крайней мере, оно восклицает: «Стройтесь в штурмовые колонны!» Но это опять-таки усердие не по разуму. Главная масса наших военных сил – добровольцы и повстанцы. Постоянного войска есть у нас лишь несколько небольших отрядов, да и те не мобилизованы, не связаны между собой, не приучены строиться в военные колонны вообще, а не то, что в штурмовые колонны. При таких условиях для всякого, кто способен обозреть общие условия нашей борьбы, не забывая о них при каждом «повороте» исторического хода событий, – должно быть ясно, что лозунгом нашим в данный момент не может быть «идти на штурм», а должно быть: «устроить правильную осаду неприятельской крепости». Другими словами: непосредственной задачей нашей партии не может быть призыв всех наличных сил теперь же к атаке, а должен быть призыв к выработке революционной организации, способной объединить все силы и руководить движением не только по названию, но и на самом де-

ле, т. е. быть всегда готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя.

Урок февральских и мартовских событий^[7] так внушителен, что вряд ли можно встретить теперь принципиальные возражения против такого вывода. Но от нас требуется в настоящее время не принципиальное, а практическое решение вопроса. Требуется не только уяснить себе, какая именно организация, для какой именно работы необходима, – требуется выработать известный *план* организации, чтобы к постройке ее могло быть приступлено со всех сторон. Ввиду неотложной важности вопроса мы решаемся, с своей стороны, предложить вниманию товарищей набросок плана, подробнее развиваемого нами в подготовляемой к печати брошюре^[8].

По нашему мнению, исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основною нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию, – должна быть постановка общерусской политической газеты. Нам нужна прежде всего газета, – без нее невозможно то систематическое ведение принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации, которое составляет постоянную и главную задачу социал-демократии вообще и особенно насущную задачу настоящего момента, когда интерес к политике, к вопросам социализма пробуж-

ден в наиболее широких слоях населения. И никогда не чувствовалась с такой силой, как теперь, потребность в том, чтобы дополнить раздробленную агитацию посредством личного воздействия, местных листков, брошюр и пр., той обобщенной и регулярной агитацией, которую можно вести только при помощи периодической прессы. Вряд ли будет преувеличением сказать, что степень частоты и регулярности выхода (и распространения) газеты может служить наиболее точным мерилom того, насколько солидно поставлена у нас эта самая первоначальная и самая насущная отрасль нашей военной деятельности. Далее, нам нужна именно общерусская газета. Если мы не сумеем и пока мы не сумеем объединить наше воздействие на народ и на правительство посредством печатного слова, — будет утопией мысль об объединении других, более сложных, трудных, но зато и более решительных способов воздействия. Наше движение и в идейном и в практическом, организационном отношении всего более страдает от своей раздробленности, от того, что громадное большинство социал-демократов почти всецело поглощено чисто местной работой, суживающей и их кругозор, и размах их деятельности, и их конспиративную сноровку и подготовленность. Именно в этой раздробленности следует искать наиболее глубоких корней той неустойчивости и того шатания, о которых мы говорили выше. И *первым* шагом вперед по пути избавления от этого недостатка, по пути превращения нескольких местных движений в единое обще-

русское движение должна быть постановка общерусской газеты. Наконец, нам нужна непременно *политическая* газета. Без политического органа немыслимо в современной Европе движение, заслуживающее название политического. Без него абсолютно неисполнима наша задача – сконцентрировать все элементы политического недовольства и протеста, оплодотворить ими революционное движение пролетариата. Мы сделали первый шаг, мы пробудили в рабочем классе страсть «экономических», фабричных обличений. Мы должны сделать следующий шаг: пробудить во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть *политических* обличений. Не надо смущаться тем, что политически обличительные голоса так слабы, редки и робки в настоящее время. Причина этого – отнюдь не повальное примирение с полицейским произволом. Причина – та, что у людей, способных и готовых обличать, нет трибуны, с которой бы они могли говорить, – нет аудитории, страстно слушающей и ободряющей ораторов, – что они не видят нигде в народе такой силы, к которой бы стоило труда обращаться с жалобой на «всемогущее» русское правительство. И теперь все это изменяется с громадной быстротой. Такая сила есть, это – революционный пролетариат, он доказал уже свою готовность не только слушать и поддерживать призыв к политической борьбе, но и смело бросаться на борьбу. Мы в состоянии теперь, и мы обязаны создать трибуну для всенародного обличения царского правительства; – такой трибуной должна быть со-

циал-демократическая газета. Русский рабочий класс, в отличие от других классов и слоев русского общества, проявляет постоянный интерес к политическому знанию, предъявляет постоянно (а не только в периоды особого возбуждения) громадный спрос на нелегальную литературу. При таком массовом спросе, при начавшейся уже выработке опытных революционных руководителей, при той сконцентрированности рабочего класса, которая делает его фактическим господином в рабочих кварталах большого города, в заводском поселке, в фабричном местечке, – постановка политической газеты есть дело вполне посильное для пролетариата. А через посредство пролетариата газета проникнет в ряды городского мещанства, сельских кустарей и крестьян и станет настоящей народной политической газетой.

Роль газеты не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников. Газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обобщать общие результаты, достигнутые организованным трудом. При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной об-

щей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии. Одна уже техническая задача – обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распространение ее – заставляет создать сеть местных агентов единой партии, агентов, находящихся в живых сношениях друг с другом, знающих общее положение дел, привыкающих регулярно исполнять drobные функции общерусской работы, пробуящих свои силы на организации тех или иных революционных действий. Эта сеть агентов² будет остоном именно такой организации, которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение труда; достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких «поворотах» и неожиданностях вести неуклонно *свою* работу; достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой

² Понятно само собой, что такие агенты могли бы работать успешно только при условии полной близости их к местным комитетам (группам, кружкам) нашей партии. Да и вообще весь намечаемый нами план осуществим, конечно, лишь при самой активной поддержке комитетов, которые не раз делали шаги к объединению партии и которые – мы уверены – добьются этого объединения не сегодня, так завтра, не в той, так в другой форме.

стороны, чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения. Сегодня перед нами встала сравнительно легкая задача – поддержать студентов, демонстрирующих на улицах больших городов. Завтра встанет, может быть, более трудная задача, – напр., поддержать движение безработных в известном районе. Послезавтра мы должны оказаться на своем посту, чтобы принять революционное участие в крестьянском бунте. Сегодня мы должны воспользоваться тем обострением политического положения, которое создало правительство походом на земство. Завтра мы должны поддержать возмущение населения против того или другого зарвавшегося царского башибузука и помочь – посредством бойкота, травли, манифестации и т. п. – проучить его так, чтобы он принужден был к открытому отступлению. Таковую степень боевой готовности можно выработать только на постоянной деятельности, занимающей регулярное войско. И если мы соединим свои силы на ведении общей газеты, то такая работа подготовит и выдвинет не только наиболее умелых пропагандистов, но и наиболее искусных организаторов, наиболее талантливых политических вождей партии, способных в нужную минуту дать лозунг к решительному бою и руководить им.

В заключение – пару слов во избежание возможного недоумения. Мы говорили все время только о систематической, планомерной подготовке, но мы отнюдь не хотели

этим сказать, что самодержавие может пасть исключительно от правильной осады или организованного штурма. Такой взгляд был бы нелепым доктринерством. Напротив, вполне возможно и исторически гораздо более вероятно, что самодержавие падет под давлением одного из тех стихийных взрывов или непредвиденных политических осложнений, которые постоянно грозят со всех сторон. Но ни одна политическая партия, не впадая в авантюризм, не может строить своей деятельности в расчете на такие взрывы и осложнения. Мы должны идти своим путем, неуклонно делать свою систематическую работу, и, чем меньше будем мы рассчитывать на неожиданности, тем больше вероятия, что нас не застанут врасплох никакие «исторические повороты».

Новое побоище

По-видимому, мы переживаем момент, когда наше рабочее движение опять с неудержимой силой приводит к тем обостренным столкновениям, которые так пугают правительство и имущие классы, так ободряют и радуют социалистов. Да, нас ободряют и радуют эти столкновения, несмотря на громадное число жертв военной расправы, потому что своим сопротивлением рабочий класс доказывает, что он не мирится со своим положением, не хочет оставаться рабом, не подчиняется молча насилию и произволу. Современный порядок всегда и неизбежно, даже при самом мирном течении дел, возлагает на рабочий класс бесчисленные жертвы. Тысячи и десятки тысяч людей, трудящихся всю жизнь над созданием чужого богатства, гибнут от голодовок и от постоянного недоедания, умирают преждевременно от болезней, порождаемых отвратительными условиями труда, нищенской обстановкой жилищ, недостатком отдыха. И стократ заслуживает название героя тот, кто предпочитает лучше умереть в прямой борьбе с защитниками и сберегателями этого гнусного порядка, чем умирать медленной смертью забитой, надорванной и покорной клячи. Мы вовсе не хотим сказать, что рукопашная с полицией есть лучшая форма борьбы. Напротив, мы всегда указывали рабочим, что в их же интересах сделать борьбу более спокойной и выдержанной, постарать-

ся направить всякое недовольство на поддержку организованной борьбы революционной партии. Но главным источником, питающим революционную социал-демократию, является именно тот дух протеста в рабочих массах, который при окружающем рабочих гнете и насилии не может не прорываться от времени до времени в отчаянных вспышках. Эти вспышки пробуждают к сознательной жизни самые широкие слои задавленных нуждою и темнотою рабочих, распространяют в них дух благородной ненависти к угнетателям и врагам свободы. И вот почему известно о таком побоище, какое было, напр., 7-го мая на Обуховском заводе, заставляет нас воскликнуть: «Рабочее восстание подавлено, да здравствует рабочее восстание!»

Было время, и сравнительно очень недавнее, когда рабочие восстания являлись редким исключением, вызывались только какими-нибудь особыми условиями. Теперь не то. Несколько лет тому назад мы переживали период процветания промышленности, когда торговые дела шли бойко, спрос на рабочих был большой. И тем не менее рабочие устраивали ряд стачек, добиваясь лучших условий труда: рабочие понимали, что они должны не упускать момента, должны пользоваться именно тем временем, когда прибыли фабрикантов особенно высоки и их легче принудить к уступкам. Но вот процветание сменилось кризисом: товары не идут с рук у фабрикантов, прибыли их уменьшаются, увеличивается число банкротств, фабрики сокращают производство, распуска-

ют рабочих, которые массами оказываются на улице без куска хлеба. Рабочим приходится отчаянно бороться уже не за улучшение своего положения, а за сохранение старого, за уменьшение тех потерь, которые взваливает на них фабрикант. Таким образом, рабочее движение углубляется и расширяется: сначала борьба в исключительных отдельных случаях, потом упорная и непрерывная борьба во время оживления промышленных дел и бойкого хода торговли, наконец — такая же непрерывная и упорная борьба во время кризиса. Теперь мы можем уже сказать, что рабочее движение стало постоянным явлением нашей жизни, что оно будет расти при всяких условиях.

Но смена промышленного оживления кризисом научит рабочих не только тому, что объединенная борьба стала для них постоянной необходимостью. Эта смена разрушит также те вредные иллюзии, которые начали уже образовываться в период процветания промышленности. Кое-где рабочим сравнительно легко удавалось вынуждать у хозяев уступки посредством стачек, и значение этой «экономической» борьбы стали преувеличивать, стали забывать о том, что профессиональным (цеховым) союзам рабочих и стачкам удастся в лучшем случае только отстоять несколько более выгодные условия продажи товара: рабочей силы. Цеховые союзы и стачки бессильны помочь, когда этот «товар» в силу кризиса не находит спроса, бессильны изменить те условия, которые превращают рабочую силу в товар, осуждают массы трудя-

щихся на самую тяжелую нужду и безработицу. Чтобы изменить эти условия, необходима революционная борьба со всем современным общественным и политическим строем, и промышленный кризис заставит многих и многих рабочих убедиться в справедливости этой истины.

Вернемся к побоищу 7-го мая. Мы приводим ниже имеющиеся у нас сведения о майских стачках и волнениях рабочих Петербурга^[9]. Здесь же разберем полицейское сообщение о побоище 7-го мая. В последнее время мы уже немного приучены к правительственным (полицейским тож) сообщениям о стачках, демонстрациях, столкновениях с войсками; мы имеем уже теперь изрядный материал для суждения о степени достоверности таких сообщений, мы можем иногда по дыму полицейской лжи догадываться об огне народного возмущения.

«7-го сего мая, – гласит официальное сообщение, – после обеденного перерыва, на Обуховском сталелитейном заводе в селе Александровском, по Шлиссельбургскому тракту, около 200 рабочих разных отделений завода прекратили работу и, при объяснении с помощником начальника завода подполковником Ивановым, предъявили разные неосновательные требования».

Если рабочие прекратили работу без предупреждения за две недели – допустив, что прекращение работ не было вызвано беззакониями со стороны хозяев, как это случается очень нередко, – то это даже по русскому законодательству

(которое в последнее время систематически дополнялось и усиливалось против рабочих) составляет простой полицейский проступок, подсудный мировому. Но русское правительство все больше попадает в смешное положение со своими строгостями: с одной стороны, издаются законы, устанавливающие новые преступления (напр., самовольный отказ от работы или участие в скопище, повреждающем чужое имущество или насильственно противодействующем вооруженной силе), повышаются наказания за стачки и пр., — с другой стороны, теряется и физическая, и политическая возможность применять эти законы и налагать законосообразные наказания. Нет физической возможности тянуть к ответу за отказ от работы, за стачку, за «скопище» тысячи и десятки тысяч людей. Нет политической возможности устраивать в каждом таком случае судебное разбирательство, ибо, как ни подстраивай состав суда, как ни кастрируй гласность, все же хоть тень суда останется и, конечно, — «суда» не над рабочими, а над правительством. И вот уголовные законы, изданные с прямой целью облегчить *политическую* борьбу правительства с пролетариатом (и в то же время *прикрыть* ее политический характер посредством «государственных» соображений об «общественном порядке» и т. п.), неумолимо оттесняются на задний план *прямой* политической борьбой, открытой уличной схваткой. «Правосудие» сбрасывает с себя маску беспристрастия и возвышенности и обращается в бегство, предоставляя поле действия полиции, жандармам

и казакам, которых угощают камнями.

Вспомните, в самом деле, эту ссылку правительства на «требования» рабочих. С точки зрения закона, прекращение работы есть проступок независимо от того, какие были требования рабочих. Но правительство именно потеряло уже возможность, становиться на почву того самого закона, который оно так недавно издало, и расправу «своими средствами» оно старается оправдать, заявляя, что требования рабочих были неосновательны. А кто был судьей в этом вопросе? Подполковник Иванов, помощник начальника завода, т. е. то самое начальство, на которое рабочие и жаловались! Неудивительно, что на такие объяснения власть имущих рабочие отвечают камнями!

И вот, когда рабочие вышли все на улицу, остановив движение конки, началась уже настоящая баталия. Рабочие бились, видимо, изо всех сил, ибо им удалось *дважды* отбить нападение полиции, жандармов, конной стражи и вооруженной команды завода³ – и это, несмотря на то, что единственным оружием рабочих были камни. Правда, «несколько выстрелов» раздалось и из толпы, – если верить полицейско-

³ Кстати. Правительственное сообщение заявляет, что «вооруженная команда завода» «находилась уже наготове во дворе завода», тогда как жандармы, конная стража и городовые были вызваны лишь впоследствии. С какого же времени и почему держали *наготове* во дворе завода *вооруженную* команду? Не с первого ли мая? Не ожидали ли рабочей демонстрации? Этого мы не знаем, но несомненно, что правительство умышленно скрывает имеющиеся у него фактические данные о том, чем вызывалось и как росло недовольство и возбуждение рабочих.

му сообщению, — но ранен этими выстрелами никто не был. Зато камни летели *«градом»*, причем рабочие проявляли не только упорство сопротивления, но и находчивость, умение сразу приспособиться к условиям и выбрать лучшую форму борьбы. Они заняли соседние дворы и осыпали царских башибузуков камнями *из-за заборов*, так что даже *после* трех залпов, которыми был убит один (будто бы только один?) рабочий и ранено восемь (?) (один умер на другой день), даже после этого, несмотря на бегство толпы, сражение еще продолжалось, и вытребованные роты омского пехотного полка должны были *«очищать от рабочих»* соседние дворы.

Правительство победило. Но каждая такая победа будет неуклонно приближать его окончательное поражение. Каждая битва с народом будет увеличивать число возмущенных и готовых к бою рабочих, будет выдвигать более опытных, лучше вооруженных, смелее действующих вожаков. По какому плану должны стараться действовать вожаки, об этом нам уже приходилось высказываться. На безусловную необходимость крепкой революционной организации мы уже не раз указывали. Но по поводу таких событий, как 7-ое мая, надо также не упускать из виду следующее.

В последнее время много говорили о том, что уличная борьба против современного войска невозможна и безнадежна; особенно настаивали на этом те «критические» умники, которые выдавали старый хлам буржуазной учености за новые выводы беспристрастной науки, извращая при этом

слова Энгельса, говорившего, и притом с оговорками, только о временной тактике немецких социал-демократов^[10]. Мы видим даже на примере отдельной схватки, что все эти толки совершенно вздорны. Уличная борьба возможна, безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода. Рабочие при схватке 7-го мая не имели ничего, кроме камней, – и уж, конечно, не запрещение же градоначальника помешает им в следующий раз запастись другим оружием. Рабочие были не подготовлены, и их было только 3¹/₂ тысячи, и тем не менее они отбивали несколько сотен конной стражи, жандармерии, городских и пехоты. Вспомните, легко ли удался полиции штурм *одного* дома номер 63 по Шлиссельбургскому тракту^[11]! Подумайте, легко ли будет «очистить от рабочих» не два-три двора и дома, а целые рабочие кварталы Петербурга! Не придется ли также, когда дело дойдет до решительной борьбы, «очищать» столичные дома и дворы не только от рабочих, но и от всех тех, кто не забыл гнусной бойни 4-го марта^[12], кто не примирился с полицейским правительством, а только запуган им и не верит еще в свои силы.

Товарищи! Постарайтесь собрать имена всех убитых и раненых 7-го мая. Пусть все рабочие столицы чтят память их и готовятся к новой решительной борьбе с полицейским правительством за народную свободу!

«Искра» № 5, июнь 1901 г.

Печатается по тексту газеты «Искра»

Секретный документ

Обращаем внимание читателей на появившуюся у Дитца в Штутгарте записку Витте, напечатанную «Зарей»^[13]. Направленная против проекта бывшего мин. вн. дел Горемыкина о введении земств в неземских губерниях, «Записка» интересна как документ, бесстыдно разоблачающий сокровеннейшие вожеления наших правителей. Мы надеемся подробно поговорить в ближайшем номере нашей газеты об этом замечательном документе, равно как и о предисловии к нему г. Р. Н. С. Это предисловие, обнаруживая в его авторе понимание политического значения русского рабочего движения, во всех остальных отношениях отличается обычной, характерной для наших либералов незрелостью политической мысли.

«Искра» № 5, июнь 1901 г.

Печатается по тексту газеты «Искра»

Гонители земства и Аннибалы либерализма^[14]

Написано в июне 1901 г.

*Впервые напечатано в декабре 1901, в журнале «Заря»
№ 2–3. Подпись: Т. П.*

*Печатается по тексту журнала, сверенному с текстом
сборника: Вл. Ильин. «За 12 лет», 1907*

№ 2-3

Декабрь
1901-го г.

Die
Morgenröthe

Heft 2-3

ЗАРЯ

Соціаль-демократическій ~~журналъ~~
научно-политическій журналъ.
Издается при ближайшемъ ~~участіи~~
участіи Г. В. Плеханова, В. И.
Засуличъ и П. Б. Аксельрода. ~~журналъ~~

Цѣна 3 руб.

Stuttgart

J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)

1901

Обложка журнала «Заря» № 2–3, 1901 г., в котором были напечатаны работы В. И. Ленина: «Гонители земства и Аннибалы либерализма», первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» (под заглавием «Гг. «критики» в аграрном вопросе») и «Внутреннее обозрение»

Если про русского крестьянина было сказано, что он всего более беден сознанием своей бедности, то про русского обывателя или подданного можно сказать, что он, будучи беден гражданскими правами, особенно беден сознанием своего бесправия. Как мужик привык к своей безысходной нищете, привык жить, не задумываясь над ее причинами и возможностью ее устранения, так русский обыватель вообще привык к всевластию правительства, привык жить, не задумываясь над тем, может ли дальше держаться это всевластие и нет ли рядом с ним таких явлений, которые подтачивают застарелый политический строй. Особенно хорошим «противоядием» против этой политической бессознательности и спячки являются обыкновенно «секретные документы»⁴, показывающие, что не только какие-нибудь отчаянные головорезы или завзятые враги правительства, но и сами члены правительства, до министров и царя включительно, сознают шаткость самодержавной формы правления и изыскивают вся-

⁴ Я говорю, разумеется, только о том – далеко не единственном и далеко не особенно «сильно действующем» – роде «противоядий», который состоит из произведений печати.

ческие способы улучшить свое положение, совершенно их не удовлетворяющее. К таким документам принадлежит записка Витте, который, повздорив с министром внутренних дел, Горемыкиным, из-за вопроса о введении земских учреждений на окраинах, решил особенно выставить свою проницательность и преданность самодержавию составлением обвинительного акта против земства⁵.

Обвиняется земство в том, что оно несовместимо с самодержавием, что оно конституционно по самому своему характеру, что существование его неизбежно порождает трения и столкновения между представителями общества и правительства. Обвинительный акт составлен на основании очень (сравнительно) обширного и очень недурно обработанного материала, а так как это обвинительный акт по политическому делу (и притом довольно своеобразному), то можно быть уверенным, что его будут читать с не меньшим интересом и с не меньшей пользой, чем печатавшиеся некогда в наших газетах обвинительные акты по политическим процессам.

I

Попробуем же рассмотреть, оправдывается ли фактами

⁵ «Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов С. Ю. Витте, с предисловием и примечаниями Р. П. С.» Печатано «Зарей». Stuttgart, Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. (Штутгарт, издание наследников И. Г. В. Дитца. *Ред.*) 1901, стр. XLIV и 212.

утверждение, что наше земство конституционно, и если да, то в какой мере и в каком именно смысле.

В этом вопросе особенно важное значение имеет эпоха введения земства. Падение крепостного права было таким крупным историческим переломом, который не мог не надорвать и полицейской завесы, прикрывающей противоречия между классами. Самый сплоченный, самый образованный и наиболее привыкший к политической власти класс – дворянство – обнаружил с полной определенностью стремление ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений. Напоминание об этом факте в записке Витте чрезвычайно поучительно. «Заявления о необходимости общего дворянского «представительства», о «праве земли русской иметь своих выборных для совета верховной власти» делались уже в дворянских собраниях 1859–1860 годов». «Произносилось даже слово «конституция»»⁶. «На необходимость призыва общества к участию в управлении указывали и некоторые губернские комитеты по крестьянскому делу, и члены комитетов, вызванные в редакционные комиссии. «Депутаты явно стремятся к конституции», писал в 1859 г. в дневнике своем Никитенко».

«Когда, после обнародования Положения 19-го февраля 1861 г., эти надежды на самодержавие

⁶ Драгоманов. «Земский либерализм в России», стр. 4. Автор записки г-н Витте частенько не указывает, что он списывает Драгоманова (ср., напр., «Записку», стр. 36–37 и назв. статью, стр. 55–56), хотя в других местах он на него ссылается.

оказались далеко не осуществленными, и вдобавок от исполнения этого Положения были удалены более «красные» элементы из самой администрации (как Н. Милютин), то движение в пользу «представительства» стало единодушнее. Оно выразилось в предложениях, внесенных во многие дворянские собрания 1862 г., и в целых адресах этих собраний в Новгороде, Туле, Смоленске, Москве, Петербурге, Твери. Из адресов более замечательный московский, который просил местного самоуправления, гласного судопроизводства, обязательного выкупа крестьянских земель, публичности бюджета, свободы печати и созвания в Москве Земской думы из всех классов для приготовления цельного проекта реформ. Резче всех были постановления и адрес тверского дворянства от 2-го февраля о необходимости ряда гражданских и экономических реформ (например, уравнивания прав сословий, обязательного выкупа крестьянских земель) и «созвания выборных всей земли русской, как единственного средства к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных Положением 19-го февраля»⁷{133}{134}.

⁷ Драгоманов, 5. Сокращенный пересказ в «Записке», стр. 64, с ссылкой не на Драгоманова, а на цитируемые Драгомановым «Колокол»^{133} № 126 и «Revue des deux Mondes»^{134}, 1862, 15-го июня.

{133} «Колокол», выходивший под девизом «Vivos Voco!» («Зову живых!»), издавался А. И. Герценом и Н. П. Огаревым с 1 июля 1857 по апрель 1865 года в Лондоне и с 1865 по июль 1867 года в Женеве ежемесячно, а некоторое время два раза в месяц. Вышло 245 номеров. В 1868 году журнал выходил на французском языке; к некоторым номерам печатались приложения на русском языке.

Несмотря на административные и судебные наказания, которым подверглись инициаторы тверского адреса^{8{135}}, – продолжает Драгоманов, – (впрочем, не

«Колокол» печатался тиражом до 2500 экземпляров и широко распространялся по всей России. Обличая произвол самодержавия, хищничество и казнокрадство чиновников, беспощадную эксплуатацию крестьян помещиками, «Колокол» обращался с революционными призывами и содействовал пробуждению масс к борьбе против царского правительства и господствующих классов. «Колокол» стоял во главе революционной бесцензурной печати, предшествовавшей появлению рабочей печати в России, и сыграл важную роль в развитии общедемократического и революционного движения, в борьбе против самодержавия и крепостничества.

^{134} «*La Revue des deux Mondes*» («Обозрение Старого и Нового Света») – французский ежемесячный буржуазно-либеральный журнал; выходил в Париже с 1829 по 1940 год. Начал выходить как литературно-художественный журнал, затем все большее место уделял вопросам философии и политики. В журнале в разное время сотрудничали виднейшие писатели: В. Гюго, Жорж Санд, О. Бальзак, А. Дюма и др. С 1948 года журнал выходит под названием «*La Revue. Litterature, histoire, arts et sciences des deux mondes*» («Обозрение. Литература, история, искусство и наука старого и нового света»).

⁸ Кстати. Недавно (19-го апреля настоящего года, т. е. 1901 г.) скончался в своем родном имении Тверской губернии один из этих инициаторов, Николай Александрович Бакунин, младший брат знаменитого М. А. Бакунина. Н. А. вместе с своим младшим братом Алексеем и другими посредниками подписал адрес 1862 г. Этот адрес – сообщает автор заметки о Н. А. Бакунине в одной из наших газет – навлек кару на подписавшихся. После годового ареста в Петропавловской крепости заключенные были освобождены, причем Н. А. и брат его Алексей остались непрощенными (они не подписали просьбы о помиловании), вследствие чего им более не разрешили занимать общественных должностей. После этого Н. А. никогда более не выступал, да и не мог более выступать на общественном поприще... Вот как расправлялось во время самых «великих реформ» наше правительство с легально действовавшими дворянами-помещиками! И это было в 1862 г., до польского восстания^{135}, когда даже

Катков предлагал созвание всероссийского Земского собора.

{135} Имеется в виду польское национально-освободительное восстание 1863–1864 годов, направленное против гнета царского самодержавия. Непосредственным поводом к восстанию послужил особый рекрутский набор, который решили провести царское правительство и правящие круги Польши в целях массового удаления из городов революционно настроенной молодежи. Вначале восстанием руководил Центральный национальный комитет, сформированный мелко шляхетской партией «красных» в 1862 году. Его программа, содержащая требования национальной независимости Польши, равноправия всех мужчин страны без различия религии и происхождения; передачи крестьянам обрабатываемой ими земли в полную собственность без выкупа, отмены барщины; вознаграждения помещиков за землю из государственных средств и др., привлекла к восстанию самые разнообразные слои польского населения: ремесленников, рабочих, студенчество, шляхетскую интеллигенцию, часть крестьянства, духовенства. В ходе восстания к нему примкнули элементы, объединявшиеся вокруг партии «белых» (партия крупной земельной аристократии и крупной буржуазии), которые стремились использовать восстание в своих интересах и при помощи Англии и Франции добиться выгодной сделки с царским правительством. Революционная демократия России с глубоким сочувствием относилась к восставшим. Члены тайного общества «Земля и воля», связанного с Н. Г. Чернышевским, стремились оказать им всяческую помощь. Центральным комитетом «Земли и воли» было выпущено воззвание «К русским офицерам и солдатам», которое распространялось в войсках, посланных на усмирение восставших. А. И. Герцен и Н. П. Огарев поместили в «Колоколе» ряд статей, посвященных борьбе польского народа, оказывали восставшим материальную помощь. Благодаря непоследовательности партии «красных», упустивших революционную инициативу, руководство восстанием перешло к партии «белых», предавших его. К лету 1864 года восстание было жестоко подавлено царскими войсками. К. Маркс и Ф. Энгельс оценивали польское восстание 1863–1864 годов как прогрессивное и относились к нему с большим сочувствием, желали победы польскому народу в его борьбе за национальное освобождение. От имени немецкой эмиграции в Лондоне Маркс написал воззвание о

выхода из должности мировых посредников) заявления в духе его делались в разных дворянских собраниях 1862 и начала 1863 г., в которых в то же время вырабатывались и проекты местного самоуправления.

В это время конституционное движение шло и среди «разночинцев» и выразилось здесь тайными обществами и прокламациями, более или менее революционными: «Великорусе» (с августа по ноябрь 1861 г.; в издании принимали участие офицеры, как Обручев и др.), «Земская дума» (1862 г.), «Земля и воля» (1862–1863 гг.)... Пущен был при «Великоруссе» и проект адреса, который должен быть представлен государю, как говорилось многими, к празднованию 1000-летия России в августе 1862 г.». В этом проекте адреса, между прочим, говорилось: «Благоволите, государь, созвать в одной из столиц нашей русской родины, в Москве или Петербурге, представителей русской нации, чтобы они составили конституцию для России...»⁹

Если мы припомним еще прокламацию «Молодой России»^[15], многочисленные аресты и драконовские наказа-

помощи полякам. Ленин, отмечая прогрессивный для того времени характер польского восстания, писал: «Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых, демократических движений, *иляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской» (см. Сочинения, 4 изд., том 20, стр. 403).

⁹ Ср. «За сто лет» В. Бурцева, стр. 39.

ния «политических» преступников (Обручева, Михайлова и др.), увенчавшиеся незаконным и подтасованным осуждением на каторгу Чернышевского, то для нас ясна будет та общественная обстановка, которая породила земскую реформу. Говоря, что «мысль при создании земских учреждений была несомненно политическая», что с либеральным и конституционалистическим настроением общества в правящих сферах «несомненно считались», «Записка» Витте говорит лишь *половину* правды. Тот казенный, чиновнический взгляд на общественные явления, который обнаруживает везде автор «Записки», сказывается и здесь, сказывается в игнорировании *революционного* движения, в затушевывании тех драконовских мер репрессии, которыми правительство *защищалось* от натиска революционной «партии». Правда, на наш современный взгляд кажется странным говорить о революционной «партии» и ее натиске в начале 60-х годов. Сорокалетний исторический опыт сильно повысил нашу требовательность насчет того, что можно назвать революционным движением и революционным натиском. Но не надо забывать, что в то время, после тридцатилетия николаевского режима, никто не мог еще предвидеть дальнейшего хода событий, никто не мог определить действительной силы сопротивления у правительства, действительной силы народного возмущения. Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печат-

тью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» ¹⁰_{{136}{137}{138}{139}{140}{141}} приходилось

¹⁰ Л. Пантелеев. «Из воспоминаний о 60-х годах», стр. 315 сборника «На славном посту»^{136}. В этой статейке сгруппированы некоторые очень интересные факты о революционном возбуждении 1861–1862 гг. и полицейской реакции... «К началу 1862 г. общественная атмосфера была до крайности напряжена; малейшее обстоятельство могло резко толкнуть ход жизни в ту или другую сторону. Эту роль и сыграли майские пожары 1862 года в Петербурге». Начались они 16-го мая, особенно выделились 22 и 23-го мая – в этот последний день было пять пожаров, 28-го мая запылал Апраксин двор и выгорело громадное пространство вокруг него. В народе стали обвинять в поджогах студентов, и эти слухи повторялись газетами. Прокламацию «Молодой России», которая объявляла кровавую борьбу всему современному строю и оправдывала всякие средства, рассматривали как подтверждение слухов об умышленных поджогах. «Вслед за 28-ым мая в Петербурге было объявлено нечто вроде военного положения». Учрежденному особому комитету было поручено принятие *чрезвычайных* мер к охране столицы. Город был разделен на три участка, с военными губернаторами во главе. По делам о поджоге введен военно-полевой суд. Приостановлены на 8 месяцев «Современник»^{137} и «Русское Слово»^{138}, прекращен «День»^{139} Аксакова, объявлены суровые временные правила о печати (утвержденные еще 12-го мая, *т. е. до пожаров*. След., «*ход жизни*» резко направлялся в сторону реакции и независимо от пожаров, вопреки мнению г. Пантелеева), правила о надзоре за типографиями, последовали многочисленные аресты политического характера (Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича, Рымаренко и др.), закрыты воскресные школы и народные читальни, затруднено разрешение публичных лекций в С.-Петербурге, закрыто 2-ое отделение при Литературном фонде^{140}, закрыт даже Шахматный клуб^{141}. Следственная комиссия не открыла никакой связи пожаров с политикой. Член комиссии, Столбовский, рассказывал г. Пантелееву, «как удалось ему в комиссии вывести на свежую воду главных лжесвидетелей, которые, кажется, были простым орудием полицейских агентов» (325–326). Итак, есть очень вес-

с помощью военной силы и с пролитием крови *заставлять*

кое основание думать, что *слухи о студентах-поджигателях распускала полиция*. Гнуснейшее эксплуатирование народной темноты для клеветы на революционеров и протестантов было, значит, в ходу и в самый разгар «эпохи великих реформ».

^[136] *«На славном посту»* – литературный сборник, выпущенный народниками в честь сорокалетнего (1860–1900) юбилея литературной и общественной деятельности одного из идеологов народничества Н. К. Михайловского. В сборнике были напечатаны статьи Н. Анненского, Н. Карышева, П. Милюкова, Н. Михайловского, П. Мокиевского, В. Мякотина, А. Пешехонова, М. Рафаилова, Н. Рубакина, В. Семевского, В. Чернова, А. Чупрова, С. Южакова и др.

^[137] *«Современник»* – ежемесячный научно-политический и литературный журнал, основанный А. С. Пушкиным; выходил в Петербурге с 1836 по 1866 год. С 1847 по 1862 год журнал издавался Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым, а с 1863 года одним Н. А. Некрасовым. В журнале сотрудничали: В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. В. Шелгунов, М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Антонович и др. *«Современник»* являлся лучшим журналом своего времени, отражавшим стремления революционной демократии и имевшим большое влияние на прогрессивные элементы русского общества и особенно на революционно настроенную молодежь. В период крестьянской реформы журнал был органом революционной демократии, проповедовал идеи революции, борьбы масс за свержение царизма, отстаивал интересы крестьянства. В 1866 году журнал был закрыт царским правительством.

^[138] *«Русское Слово»* – ежемесячный литературно-политический журнал, издавался в Петербурге с 1859 по 1866 год. В нем сотрудничали Д. И. Писарев, Н. В. Шелгунов и др. Журнал являлся одним из прогрессивных, влиятельных органов, проповедовавших идеи революционного демократизма, и оказывал большое влияние на передовую молодежь 60-х годов. В 1866 году журнал был закрыт царским правительством.

^[139] *«День»* – еженедельная газета славянофильского направления, издававшаяся И. С. Аксаковым; выходила в Москве с 1861 по 1865 год.

^[140] *«Литературный фонд»* (*«Общество литературного фонда для пособия нуждающимся литераторам и ученым и их семьям»*) – легальное добровольное

принять «Положение»^[16], обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян – мировых посредников^[17] применять *такое* «Положение», студенческие беспорядки – при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание – опасностью весьма серьезной. При таких условиях самодержавное правительство, которое свое высшее назначение видело в том, чтобы, с одной стороны, отстоять во что бы то ни стало всевластие и безответственность придворной камарилы и армии чиновных пиявок, а с другой стороны, в том, чтобы поддерживать худших представителей эксплуататорских классов, – подобное пра-

общество, основанное при участии Н. Г. Чернышевского в Петербурге в 1859 году. Под предлогом оказания помощи нуждающимся литераторам и ученым организаторы общества пытались сплотить передовую, революционно настроенную часть интеллигенции. В апреле 1862 года была сделана попытка создать легальную студенческую организацию. Было создано «Отделение для пособия бедным учащимся» (2-ое отделение при «Литературном фонде»). Во главе отделения стоял студенческий комитет. Значительная часть членов комитета была связана с нелегальной революционной организацией «Земля и воля». В июне 1862 года «Отделение» было закрыто царским правительством.

^[141] *Шахматный клуб* был создан по инициативе Н. Г. Чернышевского и его ближайших друзей в Петербурге в январе 1862 года. В числе руководителей клуба были Н. А. Некрасов, братья А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичи, братья В. С. и Н. С. Курочкины, П. Л. Лавров, Г. Е. Благосветлов, Г. З. Елисеев, Н. Г. Помяловский. В состав членов клуба входили участники нелегальной революционной организации «Земля и воля». Шахматный клуб фактически являлся клубом литераторов, центром политической и общественной жизни передовой революционно-настроенной интеллигенции Петербурга. В июне 1862 года клуб был закрыт царским правительством.

вительство *не могло поступать иначе*, как беспощадно истребляя отдельных лиц, сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации (т. е. «коноводов» «революционной партии»), запугивать и подкупать небольшими уступками массу недовольных. Каторга – тому, кто предпочитал молчать, чем извергать тупоумные или лицемерные хвалы «великому освобождению»; реформы (*безвредные для самодержавия и для эксплуататорских классов реформы*) тем, кто захлебывался либерализмом правительства и восторгался эрой прогресса.

Мы не хотим сказать, что эта рассчитанная полицейско-реакционная тактика была отчетливо сознаваема и систематически преследуема всеми или хотя бы даже несколькими членами правящей клики. Отдельные члены ее могли, конечно, по своей ограниченности не задумываться над этой тактикой в ее целом и наивно восторгаться «либерализмом», не замечая его полицейского футляра. Но в общем и целом несомненно, что коллективный опыт и коллективный разум правящих заставлял их неуклонно преследовать эту тактику. Недаром же большинство вельмож и сановников прошло длинный курс николаевской службы и полицейской выучки, прошло, можно сказать, огонь и воду и медные трубы. Они помнили, как монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых; они помнили 14-ое декабря 1825 г.^[18] и проделывали ту функцию европейской жандармерии, кото-

рую (функцию) исполнило русское правительство в 1848–1849 годах^[19]. Исторический опыт самодержавия не только заставлял правительство следовать тактике запугивания и развращения, но и многих независимых либералов побуждал рекомендовать правительству эту тактику. Вот в доказательство правильности этого последнего мнения рассуждения Кошелева и Кавелина. В своей брошюре: «Конституция, самодержавие и Земская дума» (Лейпциг, 1862 г.) А. Кошелев высказывается *против* конституции за совещательную Земскую думу и предвидит такое возражение:

«Созывать Земскую думу – значит вести Россию к революции, т. е. к повторению у нас *États generaux*¹¹, превратившихся в Конвент и заключивших свои действия событиями 1792 года, с проскрипциями, гильотиной, *noyades*¹² и пр.» «Нет! господа, – отвечает Кошелев, – не созвание Земской думы открывает, подготавливает поприще для революции, как вы ее понимаете; а скорее и вернее ее производят действия со стороны правительства нерешительные и противоречащие, шаг вперед и шаг назад, повеления и законы неудобоисполнимые, оковы, налагаемые на мысль и слово; полицейское (явное и тем еще хуже тайное) наблюдение за действиями сословий и частных людей, мелочные преследования некоторых личностей, расхищения казны, чрезмерные и неразумные ее

¹¹ Генеральные штаты. *Ред.*

¹² Массовым потоплением. *Ред.*

расходы и награды, неспособность государственных людей и их отчужденность от России и пр. и пр. Еще вернее могут довести до революции (опять в вашем смысле) в стране, только очнувшейся от многолетнего гнета, военные экзекуции, казематы и ссылки: ибо раны наболевшие несравненно чувствительнее и раздражительнее, чем раны новые. Но не опасайтесь: революции, произведенной во Франции, как вы полагаете, журналистами и другими писателями, — у нас не будет. Надеемся также, что в России не составит (хотя за это отвечать труднее) общество горячих, отчаянных голов, которые изберут убийство средством к достижению своих целей. Но гораздо вероятнее и опаснее то, что возникнет, незаметно для земской, городской и тайной полиции, под влиянием раскола, согласие между крестьянами и мещанами, к которым присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы «Великорусса», «Молодой России» и пр. Такое согласие, все уничтожающее и проповедующее равенство не перед законом, а вопреки ему (какой бесподобный либерализм! Мы, разумеется, за равенство, но за равенство *не вопреки* закону, — закону, разрушающему равенство!), не народную, историческую общину, а болезненное ее исчадие, и власть не разума, которую так боятся некоторые государственные дельцы, а власть грубой силы, к которой они сами так охотно прибегают, — такое согласие, говорю, у нас гораздо возможнее, и оно может быть гораздо сильнее, чем умеренная, благомыслящая

и самостоятельная оппозиция правительству, которая так противна нашим бюрократам и которую они всячески теснят и стараются удушить. Не думайте, что партия внутренней, тайной, безыменной печати малочисленна и слаба, и не воображайте, что вы захватили ее ветви и корни; нет! воспрещением молодежи доучиться, возведением шалостей и чин государственных преступлений, всякими мелочными преследованиями и наблюдениями вы удесятерили силу этой партии, рассеяли и размножили ее по империи. При взрыве такого согласия к чему прибегнут наши государственные люди? – К военной силе? Но можно ли будет на нее наверное рассчитывать?» (стр. 49–51).

Разве из пышных фраз этой тирады не вытекает с очевидностью тактика: истребить «отчаянные головы» и приверженцев «согласия между крестьянами и мещанами», а «благодаря умеренную оппозицию» удовлетворить и разъединить уступками? Только правительство оказалось умнее и ловчее, чем воображали гг. Кошелевы, и отделалось меньшими уступками, чем «совещательная» Земская дума.

А вот частное письмо К. Д. Кавелина к Герцену от 6-го августа 1862 года: «... Вести из России, на мой взгляд, не так плохи. Арестован не Николай, а Александр Соловьевич. Аресты меня не удивляют и, признаюсь, не кажутся мне возмутительными. Революционная партия считает пригодными все средства, чтобы ниспровергнуть правительство, а правительство защищается всеми средствами. Другое дело были

аресты и ссылки при подлом Николае. Люди гибли за свои мысли, убеждения, веру и слова. Я хотел бы, чтобы ты был на месте правительства, и посмотрел бы я тогда, как стал бы ты поступать против партий, которые и тайно и открыто работают против тебя. Я люблю Чернышевского, очень, очень люблю, но такого *brouillon*» (задиру, сварливого, неуживчивого человека, сеющего раздоры), «такого бестактного, самоуверенного человека я еще никогда не видал. Погибать из-за ничего, ровно-таки из-за ничего! Что пожары находятся в связи с прокламациями, это не подлежит теперь никакому сомнению»¹³. Вот образчик профессорски-лакейского глубокомыслия! Виноваты во всем эти революционеры, которые так самоуверенны, что освистывают фразерствующих либералов, так зазорны, что тайно и явно работают против правительства, так бестактны, что попадают в Петропавловку. С подобными людьми и он, либеральный профессор, расправлялся бы «всеми средствами», если бы был у власти.

II

Итак, земская реформа была одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна об-

¹³ Цитируем по немецкому переводу драгомановского издания переписки К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева с А. И. Герценом: *Bibliothek russischer Denkwürdigkeiten*, herausgegeben von Th. Schiemann, Bd. 4, S. 65–66. Stuttgart, 1894 (Библиотека русских литературных памятников, издаваемая Т. Шиманом, т. 4, стр. 65–66. Штутгарт, 1894. *Ред.*).

щественного возбуждения и революционного натиска. Мы остановились особенно подробно на характеристике этого натиска, чтобы дополнить и исправить изложение «Записки», бюрократический автор которой затушевал борьбу, породившую эту уступку. Но половинчатый, трусливый характер этой уступки довольно ясно обрисован и «Запиской»:

«Вначале, когда только что приступлено было к земской реформе, несомненно, имелось в виду сделать первый шаг по пути к введению представительных учреждений¹⁴; но потом, когда графа Ланского и Н. А. Милютина сменил граф Валуев, проявилось весьма ясно желание, которое не отрицал и сам бывший министр внутренних дел, действовать в духе «примирительном», «мягко и уклончиво». «Правительство само не выяснило себе своих видов», говорил он в это время. Словом, была сделана попытка, которая, к сожалению, весьма часто повторяется государственными людьми и всегда дает отрицательные для всех результаты, – попытка действовать уклончиво между двумя противоположными мнениями и, удовлетворяя либеральным стремлениям, сохранить существующий порядок...»

Презабавно здесь это фарисейское «к сожалению»! Ми-

¹⁴ «Несомненно», что автор «Записки», говорящий со слов Леруа-Болье, впадает в обычное бюрократическое преувеличение. «Несомненно», что ни Ланской, ни Милютин ничего действительно определенного в виду не имели, и принимать за «первый шаг» уклончивые фразы Милютина («в принципе сторонник конституции, но считает введение ее преждевременным») смешно.

нистр полицейского правительства выставляет здесь случайностью тактику, которой это правительство *не может не следовать*, которую оно проводило при издании законов о фабричной инспекции, закона о сокращении рабочего дня (2-го июня 1897 г.), – которую оно проводит и теперь (1901 г.) посредством заигрывания генерала Ванновского с «обществом»^[20].

«С одной стороны, в объяснительной записке к положению о земских учреждениях говорилось, что задача проектируемого закона – по возможности полное и последовательное развитие начал местного самоуправления, что «земское управление есть только особый орган одной и той же государственной власти»... Тогдашний орган министерства внутренних дел, «Северная Почта», в своих статьях делал весьма ясные намеки, что создаваемые учреждения явятся школой учреждений представительных.

С другой стороны... земские учреждения называются в объяснительной записке частными и общественными, подчиняющимися общим законам на том же основании, как отдельные общества и частные лица...

Как самые постановления Положения 1864 г., так в особенности все последующие мероприятия министерства внутренних дел по отношению к земским учреждениям довольно ясно свидетельствуют, что «самостоятельности» земских учреждений весьма опасались, и боялись давать надлежащее развитие

этим учреждениям, *вполне понимая к чему оно поведет*». (Курсив везде наш.)... «Несомненно, что те, кому пришлось завершить земскую реформу, проводили эту реформу *лишь в уступку общественному мнению*, чтобы, как значилось в объяснительной записке, «положить предел возбужденным по поводу образования земских учреждений *несбыточным ожиданиям и свободным стремлениям разных сословий*»; в то же время лица эти ясно понимали ее (?реформу?) и *стремились не давать земству надлежащего развития*, придать ему частный характер, ограничить его в компетенции и проч. Успокаивая либералов обещаниями, что первый шаг не будет последним, говоря или, вернее, повторяя сторонников либерального направления о необходимости сообщить земским учреждениям действительную и самостоятельную власть, граф Валуев *уже при самой выработке Положения 1864 г. всячески старался ограничить эту власть и поставить земские учреждения под строгую административную опеку*...

Не проникнутые одной руководящей мыслью, будучи компромиссом двух противоположных направлений, земские учреждения в той форме, в какой создало их Положение 1864 г., когда началось их применение, оказались не отвечающими ни основной идее самоуправления, положенной в их основание, ни тому административному строю, в который они были механически вставлены и который к тому же остался нереформированным

и неприспособленным к новым условиям жизни. Положение 1864 г. пыталось совместить несогласимые вещи и тем одновременно удовлетворить сторонников и противников земского самоуправления. *Первым предлагалась внешность и надежды на будущее, в угоду вторым компетенция земских учреждений была определена крайне эластично.*

Какие иногда меткие слова бросают нечаянно наши министры, когда они хотят подставить ножку какому-нибудь коллеге и выказать свое глубокомыслие, и как полезно было бы всем прекраснодушным русским обывателям и всем поклонникам «великих» реформ повесить себе на стену в золотой рамке великие заветы полицейской мудрости: «успокаивать либералов обещаниями, что первый шаг не будет последним», «предлагать» им «внешность и надежды на будущее»! Особенно в настоящее время полезно было бы справляться с этими заповедями при чтении каждой газетной статьи или заметки о «сердечном попечении» генерала Ванновского.

Итак, земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, *допускаемым* бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством. Земства не имели своих исполнительных органов, они должны были действовать через по-

лицию, земства не были связаны друг с другом, земства были сразу поставлены под контроль администрации. И, сделав такую безвредную для себя уступку, правительство на другой же день после введения земства принялось систематически стеснять и ограничивать его: всемогущая чиновничья клика *не могла* ужиться с выборным всесословным представительством и принялась всячески травить его. Свод данных об этой травле, несмотря на явную неполноту его, представляет собой очень интересную часть «Записки».

Мы видели, как трусливо и как неразумно поступали либералы по отношению к революционному движению начала 60-х годов. Вместо того, чтобы поддерживать «согласие мещан и крестьян с приверженцами *«Великорусса»*», они боялись этого «согласия» и страшили им правительство. Вместо того, чтобы подняться на защиту преследуемых правительством коноводов демократического движения, они фарисейски умывали руки и оправдывали правительство. И они понесли справедливое наказание за эту предательскую политику широковежательного красноречия и позорной дряблости. Расправившись с людьми, способными не только болтать, но и *бороться* за свободу, правительство почувствовало себя достаточно крепким, чтобы вытеснять либералов и из тех скромных и второстепенных позиций, которые ими были заняты «с разрешения начальства». Пока серьезно грозило «согласие мещан и крестьян» с революционерами, само министерство внутренних дел бормотало о «школе предста-

вительных учреждений», а когда «бестактные и самоуверенные» свистуны и «задиры» были удалены, – «школяров» без церемонии взяли в ежовые рукавицы. Начинается трагикомическая эпопея: земство ходатайствует о расширении прав, а у земства неуклонно *отбирают* одно право за другим и на ходатайства отвечают «отеческими» поучениями. Но пусть говорят исторические даты, хотя бы даже только приведенные в «Записке».

12-го октября 1866 г. циркуляр министерства внутренних дел ставит служащих земства в полную зависимость от правительственных учреждений. 21-го ноября 1866 г. выходит закон, ограничивающий право земств облагать сборами торговые и промышленные заведения. В Петербургском земском собрании 1867 г. резко критикуют этот закон и принимают (по предложению графа А. П. Шувалова) решение ходатайствовать пред правительством, чтобы вопросы, затронутые этим законом, обсуждались «совокупными силами и одновременным трудом центральной администрации и земства». На это ходатайство правительство отвечает закрытием петербургских земских учреждений и репрессиями: председатель С.-Петербургской земской управы Крузе сослан в Оренбург, граф Шувалов – в Париж, сенатору Любошинскому велено подавать в отставку. Орган министерства внутренних дел, «Северная Почта»^[21], выступает с статьей, в которой «такая строгая карательная мера была объяснена тем, что и земские собрания с самого открытия своих заседаний дей-

ствовали несогласно с законом» (с каким законом? и почему нарушителей закона не преследовали *по суду*? ведь только что был введен суд скорый, правый и милостивый?) «и вместо того, чтобы поддерживать земские собрания других губерний, пользуясь высочайше дарованными им правами для действительного попечения о вверенных им местных земско-хозяйственных интересах» (т. е. вместо того, чтобы покорно повиноваться и следовать «видам» чиновничества), «непрерывно обнаруживали, стремление неточным изъяснением дела и неправильным толкованием законов *возбуждать чувства недоверия и неуважения к правительству*». Неудивительно, что после такого назидания «другие земства не оказали поддержки петербургскому, хотя повсюду закон 21-го ноября 1866 г. вызвал сильное неудовольствие; многие называли его в собраниях равносильным уничтожению земств».

16-го декабря 1866 г. является «разъяснение» сената, предоставляющее губернаторам право отказывать в утверждении всякого избранного земским собранием лица, признаваемого им – губернатором – неблагонадежным. 4-го мая 1867 г. – другое разъяснение сената: несогласно с законом сообщение земских предположений во все другие губернии, ибо земские учреждения должны ведать дела местные. 13-го июня 1867 г. состоялось высочайше утвержденное мнение Государственного совета, запрещающее без разрешения местного губернского начальства печатать состоявшиеся в

земских, городских и сословных общественных собраниях постановления, отчеты о заседаниях, прения в заседаниях и проч. Далее, тот же закон расширяет власть председателей земских собраний, предоставляет им право закрывать собрания и обязывает их *под угрозой наказания* закрывать собрания, в которых ставятся на обсуждение вопросы, несогласные с законом. Эту меру общество встретило весьма недружелюбно и взглянуло на нее, как на серьезное ограничение земской деятельности, «Все знают, – писал в дневнике своем Никитенко, – что земство связано по рукам и по ногам новым узаконением, в силу которого председатели собраний и губернаторы получили почти неограниченную власть над земством». Циркуляр 8-го октября 1868 г. подчиняет разрешению губернаторов печатание отчетов даже земских управ и ограничивает взаимные сношения земств. В 1869 г. учреждаются инспектора народных училищ в видах отеснения земства от действительного заведования народным образованием. Высочайше утвержденное 19-го сентября 1869 г. положение Комитета министров признает, что «земские учреждения ни по своему составу, ни по основным началам не суть власти правительственные». Закон 4-го июля 1870 г. и циркуляр 22-го октября 1870 г. подтверждают и усиливают зависимость земских служащих от губернаторов. В 1871 г. инструкция инспекторам народных училищ предоставляет им устранять от должности учителей, признаваемых неблагонадежными, и останавливать всякое решение училищного

совета с предоставлением дела на разрешение попечителя. 25-го декабря 1873 г. Александр II в рескрипте на имя министра народного просвещения выражает опасение, что народная школа *при недостатке попечительного наблюдения* может быть обращена «в *орудие нравственного растления народа, к чему уже и обнаружены некоторые попытки*», и повелевает предводителям дворянства способствовать ближайшим своим участием обеспечению нравственного влияния этих школ. Затем в 1874 г. выходит новое Положение о народных училищах, отдающее всю силу заведования школами в руки директоров народных училищ. Земство «протестует», если можно без иронии назвать протестом ходатайство о пересмотре закона при участии земских представителей (ходатайство Казанского земства в 1874 г.). Ходатайство, конечно, отклоняется. И т. д. и т. д.

III

Таков был первый курс наук, преподанный российским гражданам в устроенной министерством внутренних дел «школе представительных учреждений». К счастью, кроме политических школяров, которые по поводу конституционных заявлений 60-х годов писали: «Пора бросить глупости и начать дело делать, а дело теперь в земских учреждениях и нигде больше»¹⁵, были в России и не удовлетворявши-

¹⁵ Письмо Кавелина 1865 г. к родным по поводу ходатайства московского дво-

еся такой «тактичностью» «задиры», которые шли с революционной проповедью в народ. Несмотря на то, что они шли под знаменем теории, которая была в сущности нереволюционна, — их проповедь будила все же чувство недовольства и протеста в широких слоях образованной молодежи. Вопреки утопической теории, отрицавшей политическую борьбу, движение привело к отчаянной схватке с правительством горсти героев, к борьбе за политическую свободу. Благодаря этой борьбе и только благодаря ей, положение дел еще раз изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки, и либеральное общество еще раз доказало свою политическую незрелость, неспособность поддержать борцов и оказать настоящее давление на правительство. Конституционные стремления земства обнаружались явственно, но оказались бессильным «порывом». И это несмотря на то, что сам по себе земский либерализм сделал заметный шаг вперед в политическом отношении. Особенно замечательна попытка его образовать нелегальную партию и создать свой собственный политический орган. «Записка» Витте сводит данные нескольких нелегальных произведений (Кеннана, Драгоманова, Тихомирова), чтобы охарактеризовать тот «скользящий путь» (стр. 98), на который вступили земства. В конце 70-х годов было несколько съездов земских либералов. Либералы решили «принять меры хотя бы к вре-

рянства о «созвании общего собрания людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству».

менному прекращению разрушительной деятельности крайней революционной партии, ибо они были убеждены, что нельзя ничего будет достигнуть мирными средствами, если террористы будут продолжать раздражать и тревожить правительство угрозами и актами насилия» (с. 99). Итак, вместо заботы о расширении борьбы, о поддержке отдельных революционеров более или менее широким общественным слоем, об организации какого-либо общего натиска (в форме демонстрации, отказа земств от исполнения обязательных расходов и т. п.) либералы опять начинают все с той же «тактичности»: «не раздражать» правительство! добиваться «мирными средствами», каковые мирные средства так блистательно доказали свое ничтожество в 60-ые годы!¹⁶ Понятно, что ни на какое прекращение или приостановку военных действий революционеры не пошли. Земцы образовали тогда «лигу оппозиционных элементов», превратившуюся затем в «Общество земского союза и самоуправления» или «Земский союз». Программа Земского союза требовала: 1) свободы слова и печати; 2) гарантий личности и 3) созыва учредительного собрания. Попытка издавать нелегаль-

¹⁶ Справедливо говорил Драгоманов: «Собственно вполне «мирных способов» у либерализма в России и быть не может, так как всякое заявление об изменении высшего управления у нас запрещено законами. Земские либералы должны были решительно переступить через это запрещение и хоть этим показать свою силу и перед правительством и перед террористами. Так как земские либералы такой силы не показали, то им довелось дожить до намерения правительства уничтожить даже обрезанные уже земские учреждения» (назв. соч., 41–42).

ные брошюры в Галиции не удалась (австрийская полиция арестовала и рукописи и лиц, намеревавшихся печатать их), и органом «Земского союза» стал с августа 1881 г. журнал «Вольное Слово»^[22], выходивший под редакцией Драгоманова (бывший профессор киевского университета) в Женеве. «В конце концов, – писал сам Драгоманов в 1888 г., – ... опыт издания земского органа в виде «Вольного Слова» нельзя признать удачным, хотя бы уже потому, что собственно земские материалы стали поступать в редакцию правильно только с конца 1882 г., а в мае 1883 г. издание было уже прекращено» (назв. соч., стр. 40). Неудача либерального органа явилась естественным результатом слабости либерального движения. 20-го ноября 1878 г. Александр II обратился в Москве к представителям сословий с речью, в которой выражал надежду на их «содействие, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на том пагубном пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь». Затем и в «Правительственном Вестнике»^[23] (1878 г., № 186) появился призыв к содействию общества. В ответ на это пять земских собраний (Харьковское, Полтавское, Черниговское, Самарское и Тверское) заявили о необходимости созвать Земский собор. «Можно также думать», – пишет автор «Записки» Витте, изложив подробно содержание этих адресов, из которых только 3 проникли в печать целиком, – «что заявления земств о созыве Земского собора были бы гораздо более многочисленны, если бы министерство внутренних дел

своевременно не приняло мер к недопущению таких заявлений: предводителям дворянства, председательствующим в губернских земских собраниях, разослан был циркуляр, чтобы они не допускали даже чтения в собраниях подобных адресов. В некоторых местах были произведены аресты и высылки гласных, а в Чернигове в залу заседания даже введены были жандармы, которые силой ее очистили» (104).

Либеральные журналы и газеты поддерживали это движение, петиция «25-ти именитых московских граждан» Лорис-Меликову указывала на созвание независимого собрания из представителей земств и предложение этому собранию участия в управлении нацией^[24]. И назначением министром внутренних дел Лорис-Меликова правительство, *по-видимому*, делало уступку. Но именно *по-видимому*, ибо не только никаких решительных шагов, но даже и никаких положительных и не допускавших перетолкования заявлений не было сделано. Лорис-Меликов созвал редакторов петербургских периодических изданий и изложил им «программу»: дознать желание, нужды и пр. населения, дать возможность земству и пр. воспользоваться законными правами (либеральная программа гарантирует земствам те «права», которые закон у них систематически урезывает!) и т. п. Автор «Записки» пишет:

«Через его собеседников – для того они и были приглашены – программа министра оповещена была всей России. В сущности она не обещала ничего определенного. Всякий мог

вычитать из нее что угодно, т. е. все или ничего. Прав был по-своему (только «по-своему», а не безусловно «по-всякому», прав?) один из подпольных листков того времени, выразившись об этой программе, что в ней одновременно мелькает «лисий хвост» и стучит зубами «волчья пасть»^[25]. Такая выходка по адресу программы и ее автора тем понятнее, что, сообщая ее представителям печати, граф настойчиво рекомендовал им «не смущать и не волновать напрасно общественные умы своими мечтательными иллюзиями». Но либеральные земцы не послушались этой *правды* подпольного листка и сочли помахивание «лисыим хвостом» за «новый курс», которому позволительно довериться. «Земство верило и сочувствовало правительству», – повторяет «Записка» Витте слова нелегальной брошюры «Мнения земских собраний о современном положении России», – «как бы боялось забегать вперед, обращаться к нему с чрезмерными просьбами». Характерное признание свободно высказывающихся сторонников земства: Земский союз на съезде 1880 г. только что решил «добиться центрального народного представительства при обязательном условии одной палаты и всеобщего голосования», – и вот это решение *добиваться* осуществляется тактикой «*не забегать вперед*», «*верить и сочувствовать*» двусмысленным и ровно ни к чему не обязывающим заявлениям! С какой-то непростительной наивностью земцы воображали, что подавать петиции это значит «добиваться» – и петиции «посыпались от земства в изоби-

лии». Лорис-Меликов 28-го января 1881 г. вошел с всеподданнейшим докладом об образовании комиссии из выборных от земств для разработки законопроектов, указанных «высочайшей волей», – с правом только совещательного голоса. Особое Совещание, назначенное Александром II, одобрило эту меру, заключение Совещания 17-го февраля 1881 г. было утверждено царем, который одобрил и предложенный Лорис-Меликовым текст правительственного сообщения.

«Несомненно, – пишет автор «Записки» Витте, – что учреждение такой чисто совещательной комиссии не создавало еще конституции». Но – продолжает он – едва ли можно отрицать, что это было дальнейшим (после реформ 60-х годов) шагом к конституции и ни к чему другому. И автор повторяет сообщение заграничной печати, что Александр II выразился по поводу доклада Лорис-Меликова: «Да ведь это *Etats generaux*^[26]»... «Нам предлагают не что иное, как собрание нотаблей Людовика XVI»^[27].

Мы, с своей стороны, заметим, что осуществление лорис-меликовского проекта *могло бы* при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и не быть таковым: все зависело от того, что пересилит – давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия. Если говорить не о том, что могло бы быть, а о том, что было, то придется констатировать несомненный факт *коле-*

бания правительства. Одни стояли за решительную борьбу с либерализмом, другие – за уступки. Но – и это особенно важно – и эти последние колебались, не имея никакой вполне определенной программы и не возвышаясь над уровнем бюрократов-дельцов.

«Граф Лорис-Меликов, – говорит автор «Записки» Витте, – как бы боялся прямо взглянуть на дело, боялся вполне точно определить свою программу, а продолжал – в другом, правда, направлении – прежнюю уклончивую политику, которая по отношению к земским учреждениям была принята еще графом Валуевым.

Как справедливо было замечено и в тогдашней легальной печати, самая программа, заявленная Лорис-Меликовым, отличалась большой неопределенностью. Эта неопределенность видна и во всех дальнейших действиях и словах графа. С одной стороны, он заявляет, что самодержавие «разобщено с населением», что «на поддержку общества он смотрит как на главную силу...», на проектированную реформу «не смотрел как на нечто окончательное, а видел в ней только первый шаг» и т. д. В то же время, с другой стороны, граф заявлял представителям печати, что «... возбужденные в обществе надежды суть не что иное, как мечтательная иллюзия...», а во всеподданнейшем докладе государю категорически заявлял, что Земский собор был бы «опасным опытом возвращения к прошедшему...», что проектируемая

им мера никакого значения в смысле ограничения самодержавия иметь не будет, ибо не имеет ничего общего с западными конституционными формами. Вообще, по справедливому замечанию Л. Тихомирова, самый доклад этот отличается замечательно запутанной формой» (стр. 117).

А по отношению к *борцам* за свободу этот пресловутый герой «диктатуры сердца»^[28], Лорис-Меликов, довел «жестокости до не бывавших ни раньше ни позже фактов смертной казни 17-летнего мальчика за найденный у него печатный листок. Лорис-Меликов не забыл отдаленнейших уголков Сибири, чтобы ухудшить там положение людей, страдавших за пропаганду» (В. Засулич в № 1 «Социаль-Демократа»^[29], стр. 84). При таком колебании правительства только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституции, а этой силы не было: революционеры исчерпали себя 1-ым марта^[30], в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами. Ходатайствовали земства и города, ходатайствовала либеральная печать («Порядок»^[31], «Страна»^[32], «Голос»^[33]), ходатайствовали – в особенно благонамеренной, хитросплетенной и затуманенной форме – либеральные авторы докладных записок (маркиз Велепольский, проф. Чичерин и проф. Градовский – «Записка» Витте из-

лагает их содержание по лондонской брошюре¹⁷ «Конституция графа Лорис-Меликова», изд. фонда вольной русской прессы. Лондон, 1893 г.), выдумывая «остроумные попытки перевести монарха через заветную черту так, чтобы сам он этого не заметил». Все эти осторожные ходатайства и хитроумные выдумки оказались, разумеется, без революционной силы – нолем, и партия самодержавия победила, победила, несмотря на то, что 8-го марта 1881 г. на Совете министров большинство (7 против 5) высказалось за проект Лорис-Меликова. (Так сообщается в той же брошюре, но усердно списывающий ее автор «Записки» Витте тут почему-то заявляет: «Что происходило на этом – 8-го марта – совещании и к чему оно пришло, достоверно неизвестно; полагаться же на слухи, проникшие в иностранную печать, было бы неосторожно», 124.) 29-го апреля 1881 г. вышел манифест, названный Катковым «манной небесной», – об утверждении и охране самодержавия^[34]. Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прибоя была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось *реакцией*, которую русское прогрессивное общество принялось, конечно, горько оплакивать. Мы

¹⁷ Автор «Записки» вообще самым тщательным образом списывает, как мы видели, нелегальные брошюры и признает, что «подпольная пресса и иностранная литература с своих точек зрения давали довольно верную оценку положению вопроса» (стр. 91). У русского ученого «государствоведа» оказывается оригинальным только кое-какой сырой материал, а все основные точки зрения на политические вопросы в России он должен заимствовать из подпольной литературы.

такие мастера оплакивания: мы оплакиваем бестактность и самоуверенность революционеров, когда они задирают правительство; мы оплакиваем нерешительность правительства, когда оно, не видя пред собой настоящей силы, делает лжеуступки и, давая одной рукой, отнимает другой; мы оплакиваем «время безыдейности и безыдеальности», когда правительство, расправившись с не поддержанными народом революционерами, старается наверстать потерянное и укрепляется для новой борьбы.

IV

Эпоха «диктатуры сердца», как прозвали министерство Лорис-Меликова, показала нашим либералам, что даже «конституционализм» одного министра, даже министра-премьера, при полном колебании правительства, при одобрении «первого шага к реформе» большинством в Совете министров не гарантирует ровно ничего, если нет серьезной общественной силы, способной заставить правительство сдаться. Интересно также, что и правительство Александра III, даже после выступления с манифестом об утверждении самодержавия, не сразу еще стало показывать все свои когти, а сочло необходимым попробовать некоторое время подурочить «общество». Говоря «подурочить», мы не думаем приписать политику правительства какому-либо маккиавеллистическому плану^[35] того или другого министра, сановни-

ка и т. п. Нельзя достаточно настаивать на том, что система лжеуступок и некоторых, кажущихся важными, шагов «на-встречу» общественному мнению вошла в плоть и кровь всякого современного правительства и русского в том числе, ибо и русское правительство в течение уже многих поколений сознало необходимость считаться с общественным мнением так или иначе, в течение уже многих поколений воспитывало государственных деятелей, изощренных в искусстве внутренней дипломатии. Таким дипломатом, имевшим назначение прикрыть отступление правительства к прямой реакции, явился сменивший Лорис-Меликова министр внутренних дел граф Игнатъев. Игнатъев выступал не раз как чистейший демагог и обманщик, так что автор «Записки» Витте проявляет не мало «полицейского благодушия», называя период его министерства «неудавшейся попыткой создать самоуправляющуюся местно землю с самодержавным царем во главе». Правда, именно такая «формула» была выдвинута в то время И. С. Аксаковым, ею пользовалось для своих заигрываний правительство, ее разносил Катков, основательно доказывая необходимую связь между местным самоуправлением и конституцией. Но было бы близорукостью *объяснять* известную тактику полицейского правительства (тактику, необходимо присущую ему по самой его природе) преобладанием в данный момент того или другого политического воззрения.

Игнатъев выступил с циркуляром, обещая, что правитель-

ство «примет безотлагательные меры, чтобы установить правильные способы, которые обеспечивали бы наибольший успех живому участию местных деятелей в деле исполнения высочайших предначертаний». Земства ответили на этот «призыв» ходатайствами о «созыве выборных от народа» (из записки гласного Череповецкого земства; мнение гласного Кирилловского земства губернатор не разрешил даже напечатать). Правительство предложило губернаторам оставлять такие ходатайства «без дальнейшего производства», «и в то же время были, по-видимому, приняты меры, чтобы подобные ходатайства не были возбуждаемы в других собраниях». Делается пресловутая попытка созывать по выбору министров «сведущих людей» (для обсуждения вопроса о понижении выкупных платежей, об упорядочении переселений, о реформе местного управления и пр.). «Работы экспертных комиссий не вызвали сочувствия в обществе, а со стороны земств, *несмотря на все предупредительные меры*, вызвали даже прямой протест. Двенадцать земских собраний заявили ходатайства, чтобы к участию в законодательной деятельности земские люди приглашались не в отдельных случаях и не по назначению от правительства, а постоянно и по выбору земств». В Самарском земстве подобное предложение было остановлено председателем, «после чего собрание в виде протеста разъехалось» (Драгоманов, н. с, стр. 29; «Записка», стр. 131). Что граф Игнатъев *надувал* земцев, это видно из такого, например, факта: «Полтавский предводитель

дворянства, г. Устимович, автор проекта конституционно-го адреса 1879 г., заявил открыто в губернском дворянском собрании, что он получил от графа Игнатьева *положительное уверение* (sic!¹⁸), что правительство призовет представителей страны к участию в законодательной работе» (Драгоманов, там же). Прикрытие правительственного перехода на решительно новый курс этими проделками Игнатьева закончилось, и назначенный 30-го мая 1882 г. министром внутренних дел Д. А. Толстой недаром заслужил себе прозвище «министра борьбы». Ходатайства земств даже об устройстве каких-нибудь частных съездов отклонялись без церемоний, и даже по жалобе губернатора на «систематическую оппозицию» земства (Череповецкого) был случай замены управы правительственной комиссией и административной ссылки членов управы. Д. А. Толстой, верный ученик и последователь Каткова, решил предпринять прямо уже «реформу» земских учреждений, исходя из той основной мысли (действительно подтверждаемой, как мы видели, историей), что «оппозиция правительству свила себе прочное гнездо в земстве» (стр. 139 «Записки»: из первоначального проекта земской реформы). Д. А. Толстой проектировал заменить земские управы подчиненными губернатору присутствиями и все постановления земских собраний признать подлежащими губернаторскому утверждению. Это была бы действительно «радикальная» реформа, по интересно в высшей сте-

¹⁸ Так! *Ред.*

пени, что даже и этот ученик Каткова, «министр борьбы», «не отступил, – по выражению самого автора «Записки», – от привычной политики министерства внутренних дел по отношению к земским учреждениям. Свою мысль – упразднить в сущности земство – он не выразил в своем проекте прямо; под видом правильного развития начал самоуправления он желал оставить внешнюю форму последнего, но лишив ее всякого внутреннего содержания». В Государственном совете эта мудрая государственная политика «лисьего хвоста» была еще дополнена и развита, и в результате земское положение 1890 г. «оказалось новой полумерой в истории земских учреждений. Оно не упразднило земства, но обезличило и обесцветило его; не уничтожило и сословного начала, но придало ему сословную окраску;... не сделало из земских учреждений действительных органов власти... но увеличило над ними опеку губернаторов... усилило право губернаторского протеста». «Положение 12-го июля 1890 г. было, в намерении его составителя, шагом по пути к упразднению земских учреждений, но никак не коренным преобразованием земского самоуправления».

Новая «полумера» – как излагает дальше «Записка» – оппозиции правительству не уничтожила (оппозицию реакционному правительству и невозможно было бы, разумеется, уничтожить усилением этой реакционности), а только сделала *некоторые* проявления ее скрытыми. Оппозиция проявлялась, во-первых, в том, что некоторые антиземские, если

можно так выразиться, законы встречали отпор и *de facto*¹⁹ не осуществлялись; во-вторых, опять-таки в конституционных (или по крайней мере имеющих запах конституционализма) ходатайствах. Первого рода оппозицию встретил, например, закон 10-го июня 1893 г., подчинивший подробной регламентации земскую организацию врачебного дела. «Земские учреждения дали дружный отпор министерству внутренних дел, которое и отступило. Пришлось приостановить введение уже готового устава в действие, отложить его в сторону для полного собрания законов и выработать новый проект, построенный на началах совершенно противоположных (т. е. более угодных земствам)». Закон 8-го июня 1893 г. об оценке недвижимых имуществ, вводивший равным образом принцип регламентации и стесняющий права земства в деле обложения, тоже встречен несочувственно и в массе случаев «на практике вовсе не применяется». Сила созданных земством и принесших значительную (сравнительно с бюрократией, конечно) пользу населению врачебных и статистических учреждений оказывается достаточной, чтобы парализовать сфабрикованные в петербургских канцеляриях уставы.

Второго рода оппозиция выразилась и в новом земстве в 1894 г., когда адреса земств Николаю II снова намекнули совершенно определенно на их требования расширить самоуправление и вызвали «знаменитые» слова о бессмысленных

¹⁹ Фактически, на деле. *Ред.*

мечтаниях.

«Политические тенденции» земства не исчезли, к ужасу гг. министров. Автор «Записки» приводит горькие жалобы тверского губернатора (из отчета его за 1898 г.) на «тесно сплоченный кружок людей либерального направления», сосредоточивающий в своих руках все ведение дела губернского земства. «Из отчета того же губернатора за 1895 г. видно, что борьба с земской оппозицией составляет тяжелую задачу местной администрации и что от председательствующих в земских собраниях предводителей дворянства требуется иногда даже «гражданское мужество» (вот как!) для выполнения конфиденциальных циркуляров министерства внутренних дел о предметах, которых земские учреждения не должны касаться». И дальше идет рассказ о том, как губернский предводитель дворянства сдал перед собранием должность уездному (тверскому), тверской – новоторжскому, новоторжский тоже заболел и сдал председательство старицкому. Итак, даже предводители дворянства обращаются в бегство, не желая исполнять полицейских обязанностей! «Законом 1890 г., – сетует автор «Записки», – земству дана сословная окраска, усилен в собраниях правительственный элемент, в состав губернских земских собраний введены все уездные предводители дворянства и земские начальники, и если такое обезличенное сословно-бюрократическое земство продолжает тем не менее проявлять политическую тенденцию, то над этим следовало бы призадумать-

ся»... «Противодействие не уничтожено: глухое недовольство, молчаливая оппозиция живут несомненно и будут жить до тех пор, пока не умрет всесословное земство». Таково последнее слово бюрократической мудрости: если урезанное представительство порождает недовольство, то уничтожение всякого представительства – по простой человеческой логике – еще усилит это недовольство и оппозицию. Г-н Витте воображает, что если закрыть одно из учреждений, выносящих наружу хоть частичку недовольства, то недовольство исчезнет! Но думаете ли вы, что Витте предлагает поэтому что-либо решительное, вроде упразднения земства? Нет, ничуть не бывало. Разнося уклончивую политику ради красного словца, Витте сам не предлагает ничего, кроме нее же, – да и не может предлагать, не вылезая из своей шкуры министра самодержавного правительства. Витте бормочет что-то совершенно пустяковинное о «третьем пути»: не господство бюрократии и не самоуправление, а административная реформа, «правильно организуемая» «участие общественных элементов в правительственных учреждениях». Сказать такой вздор легко, но только ровно уже никого теперь – после всяких опытов со «сведущими людьми» – не обманет эта выдумка: слишком очевидно, что *без конституции* всякое «участие общественных элементов» будет фикцией, будет подчинением общества (или тех или других «призванных» от общества) бюрократии. Критикуя частную меру министерства внутренних дел – введение земства на окраинах, – Вит-

те по общему вопросу, им же самым выдвинутому, не может дать ровно ничего нового, подогревая только старые приемы полумер, лжеуступок, обещания всяких благ и неисполнения никаких обещаний. Нельзя с достаточной силой подчеркнуть, что по общему вопросу о «направлении внутренней политики» Витте и Горемыкин – едино суть, и спор между ними есть спор своих людей, домашняя ссора в пределах одной шайки. С одной стороны, и Витте спешит заявить, что «ни упразднения земских учреждений, ни какой-либо ломки существующего порядка я не предлагал и не предлагаю... об упразднении их (существующих земств) при настоящих условиях едва ли может быть речь». Витте, «с своей стороны, думает, что с созданием на местах сильной правительственной власти возможно будет с большим доверием отнестись к земствам» и т. д. Создавши сильный бюрократический противовес самоуправлению (т. е. обессилив самоуправление), можно больше «доверить» ему. Старая это песенка! Г-н Витте боится только «всесословных учреждений», он «вовсе не имел в виду и не считал для самодержавия опасной деятельность разного рода корпораций, обществ, сословных или профессиональных союзов». Например, относительно «сельских общин» г. Витте нимало не сомневается в их безопасности для самодержавия вследствие их «косности». «Преобладание отношений по земле и связанных с ними интересов придают сельскому населению такие духовные особенности, которые делают его безразличным ко всему, что выходит за

пределы политики своей колокольні... Наш крестьянин занят на сходах раскладкой податей... распределением поземельных участков и т. п. Кроме того, он неграмотен или полуграмотен, — *какая же тут может быть политика?*» Г-н Витте очень трезв, как видите. По отношению к сословным союзам он заявляет, что в отношении их опасности для центральной власти «существенное значение имеет разобщенность их интересов. Пользуясь этой разобщенностью, правительство против политических притязаний одного сословия всегда может находить опору и противовес в других». Не что иное, как одну из бесконечных попыток полицейского государства «разобщить» население, представляет собой и «программа» Витте: «правильно организованное участие общественных элементов в правительственных учреждениях». С другой стороны, и г. Горемыкин, с которым г. Витте так яростно полемизирует, ведет и сам ту же систематическую политику разобщения и притеснения. Он доказывает (в своей записке, на которую отвечает Витте) необходимость создания новых должностей чиновников для надзора за земством; он — против разрешения даже простых местных съездов земских деятелей; он горой стоит за положение 1890 г., этот шаг к упразднению земства; он боится включения земствами в программы оценочных работ «тенденциозных вопросов», боится земской статистики вообще; он стоит за то, что народную школу надо изъять из рук земства и передать в ведение учреждений правительственных; он доказывает, что

земства неспособны вести продовольственное дело (земские деятели вызывают – видите ли – «преувеличенные представления о размерах бедствия и потребностях пострадавшего от неурожая населения»!!); он отстаивал правила о предельности земского обложения «в целях ограждения землевладения от чрезмерного увеличения земских сборов». Таким образом Витте совершенно прав, когда он заявляет: «Вся политика министерства внутренних дел по отношению к земству заключается в медленном, но неуклонном подтачивании его органов, постепенном ослаблении их значения и постепенном же сосредоточении их функций в ведении правительственных установлений. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что когда указываемые в записке (Горемыкина) «мероприятия, принятые за последнее время в целях упорядочения отдельных отраслей земского хозяйства и управления», будут приведены к благополучному концу, то в действительности у нас не будет никакого самоуправления, – от земских учреждений останется одна идея да внешняя оболочка, без всякого делового содержания». Политика Горемыкина (и еще более Сипягина) и политика Витте идет, следовательно, к одному и тому же, и состязание по вопросу о земстве и конституционализме есть, повторяем, не более как домашняя ссора. Милые бранятся – только тешатся. Таков итог «борьбы» гг. Витте и Горемыкина. Что же касается до наших итогов по общему вопросу о самодержавии и земстве, то их удобнее подвести в связи с разбором предисловия г-

V

Предисловие г-на Р. Н. С. представляет много интересного. В нем затронуты самые широкие вопросы о политическом преобразовании России, о разнообразных способах этого преобразования, о значении тех и других сил, ведущих к преобразованию. С другой стороны, г. Р. Н. С., стоящий, очевидно, в близких отношениях к либеральным кругам вообще и земско-либеральным кругам в особенности, представляет из себя, несомненно, нечто новое в хоре нашей «подпольной» литературы. Поэтому и для выяснения принципиального вопроса о политическом значении земства и для ознакомления с веяниями и... не скажу: направлениями, а настроениями в кругах, близких к либералам — очень стоит остановиться поподробнее на этом предисловии, разобрать, плюс или минус, насколько плюс, насколько и в чем минус это новое?

²⁰ Этим псевдонимом подписывался г. Струве. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Статья В. И. Ленина «С чего начать?», напечатанная передовой в № 4 газеты «Искра», содержит ответы на важнейшие для того времени вопросы социал-демократического движения в России: о характере и главном содержании политической агитации, об организационных задачах и плане построения боевой общероссийской марксистской партии.

2.

«Экономическое» направление, или «экономизм» – оппортунистическое течение в русской социал-демократии конца XIX – начала XX века, русская разновидность международного оппортунизма. Печатными органами «экономистов» являлись газета «Рабочая Мысль» (1897–1902) в России и журнал «Рабочее Дело» (1899–1902) за границей.

3.

«Рабочее Дело» – журнал «экономистов», непериодический орган «Союза русских социал-демократов за границей». Выходил в Женеве с апреля 1899 по февраль 1902 года под редакцией Б. Н. Кричевского, А. С. Мартынова, П. Теплова, а затем В. П. Иваншина. Вышло 12 номеров (девять книг). Редакция «Рабочего Дела» являлась

заграничным центром «экономистов» («рабочедельцев»). «Рабочее Дело» поддерживало бернштейнианский лозунг «свободы критики» марксизма, выдвинуло «теорию стадий», проявляло колебания в вопросе об индивидуальном терроре, заявив, что противодействовать подъему террористических настроений не следует. «Рабочее Дело» вело открытую борьбу против искровского плана создания партии, призывало к тред-юнионистской политике, отрицало революционные возможности крестьянства и т. п. Один из редакторов «Рабочего Дела» (В. П. Иваншин) принимал участие в редактировании «Рабочей Мысли» – органа открытых «экономистов», которому «Рабочее Дело» оказывало поддержку. На II съезде партии «рабочедельцы» представляли крайне правое, оппортунистическое крыло партии.

4.

«Листок «Рабочего Дела»» – неперiodическое приложение к журналу «Рабочее Дело», издавался в Женеве с июня 1900 по июль 1901 года; всего вышло 8 номеров.

5.

«Рабочая Мысль» – газета, орган «экономистов»; выходила с октября 1897 по декабрь 1902 года. Вышло 16 номеров. Первые два номера печатались на мимеографе в Петербурге, №№ 3–11 вышли за границей, в Берлине; печатание №

№ 12, 13, 14 и 15 было перенесено в Варшаву; последний, № 16 вышел за границей. Газета редактировалась К. М. Тахтаревым и др.

6.

В. И. Ленин имеет в виду свою статью «Насущные задачи нашего движения», напечатанную в виде передовой в газете «Искра» № 1, в декабре 1900 года (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 371–377).

7.

Имеются в виду массовые революционные выступления студенчества и рабочих: политические демонстрации, сходки, забастовки, происходившие в феврале – марте 1901 года в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Казани, Ярославле, Варшаве, Белостоке, Томске, Одессе и других городах России.

8.

Речь идет о книге В. И. Ленина «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения». Книга была напечатана издательством Дитца в Штутгарте, в марте 1902 года.

9.

Имеется в виду корреспонденция «Первое мая в России», напечатанная в «Искре» № 5, июнь 1901 г., в отделе

«Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов».

10.

Речь идет о «Введении» Ф. Энгельса к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». В 1895 году, при публикации «Введения» в газете «Vorwärts» («Вперед»), из него, без ведома Энгельса, были выброшены все важнейшие формулировки о классовой борьбе пролетариата и текст был напечатан в искаженном виде. См. об этом письма Ф. Энгельса 1.IV и 3.IV 1895 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 487–488). Оппортунистические лидеры германской социал-демократии использовали этот документ в целях оправдания проводимой ими линии отказа от революции, отрицания необходимости вооруженного восстания и баррикадных боев пролетариата, для защиты примиренческой тактики.

11.

Ленин имеет в виду столкновение рабочих фабрики Максвеля за Невской заставой в Петербурге с полицией во время забастовки в декабре 1898 года. Чтобы сломить забастовку, полиция решила арестовать наиболее активных рабочих – организаторов забастовки. В ночь на 16 декабря отряды пеших и конных городских окружили фабричную казарму, находившуюся в доме № 63 по Шлиссельбургскому тракту. При попытке ворваться внутрь дома полиция

встретила упорное сопротивление безоружных рабочих, их жен и детей, героически оборонявшихся в течение нескольких часов. Это событие свидетельствовало о стойкости, мужестве и решительности рабочих в борьбе за свои права.

12.

4(17) марта 1901 года на площади у Казанского собора в Петербурге состоялась демонстрация в знак протеста против отдачи в солдаты 183-х студентов Киевского университета за участие в революционном движении. Демонстрация, в которой приняли участие несколько тысяч студентов и рабочих, была разогнана царским правительством. При этом сотни участников демонстрации были жестоко избиты казаками, полицейскими и жандармами, несколько человек было убито, многие ранены и искалечены. Подробное сообщение об этой демонстрации было помещено в «Искре» № 3, в апреле 1901 года.

13.

«Заря» – марксистский научно-политический журнал; издавался легально в 1901–1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло четыре номера (три книги) «Зари»: № 1 в апреле 1901 года (фактически вышел 23 марта нового стиля), № 2–3 в декабре 1901 года, № 4 в августе 1902 года.

14.

Статья «Гонители земства и Аннибалы либерализма» была написана В. И. Лениным в связи с появлением в свет, в 1901 году, книги «Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899 г.)» с предисловием и примечаниями Р. Н. С. (П. Б. Струве), содержащей материал, обличающий политику царского правительства по отношению к земству и раскрывавший буржуазную сущность либерализма в России. Аннибалами либерализма Ленин иронически называет русских либералов, которые, как писал П. Струве, подобно карфагенскому полководцу Аннибалу, поклявшемуся не прекращать борьбы с Римом до конца своей жизни, дали клятву бороться с самодержавием.

15.

«Молодая Россия» – прокламация, выпущенная в мае 1862 года московским революционным студенческим кружком П. Г. Заичневского. Прокламация обличала самодержавно-крепостнический строй России, разоблачала соглашательство либералов и призывала к борьбе за свержение монархии и создание «социально-демократической республики русской» на основе добровольного федеративного союза областей. Она, как указывал Маркс, содержала «ясное и точное

описание внутреннего положения страны, состояния различных партий, положения печати и, провозглашая коммунизм», делала «вывод о необходимости социальной революции» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIII, ч. 2, 1940, стр. 642). В прокламации выдвигались требования равноправия женщин, выборного суда, справедливого обложения налогами, устройства общественных фабрик и магазинов, общественного воспитания детей, независимости Польши и Литвы, замены постоянной армии национальной гвардией и т. д. Агитируя за революционный переворот, «Молодая Россия» советовала революционным элементам искать опоры среди старообрядцев, крестьян, образованных, офицеров, но главной силой движения прокламация провозглашала революционную разночинную интеллигенцию.

16.

Имеется в виду «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», которое было подписано Александром II 19 февраля 1861 года вместе с Манифестом, провозглашавшим отмену крепостного права.

17.

Мировые посредники – административная должность, введенная царским правительством в период проведения «крестьянской реформы» 1861 года. Мировые посредники,

назначавшиеся губернатором из местных дворян, уполномачивались разбирать и решать конфликты между помещиками и крестьянами, возникавшие при проведении в жизнь «Положений» об освобождении крестьян, и фактически призваны были охранять интересы помещиков. Основной функцией мировых посредников было составление так называемых «уставных грамот», в которых точно определялись размеры и местоположение крестьянских наделов и крестьянские повинности, а также надзор за крестьянским самоуправлением. Мировые посредники утверждали выборных должностных лиц крестьянского управления, имели право налагать на крестьян взыскания, подвергать их аресту или штрафу, а также отменять постановления крестьянских сходов.

18.

Имеется в виду восстание части войск петербургского гарнизона 14 декабря 1825 года, возглавляемое дворянскими революционерами (отсюда название «декабристы»).

19.

Речь идет об участии войск русского царя Николая I в подавлении революционного национально-освободительного движения в западноевропейских странах. В 1848 году царь ввел войска в Румынию, Польшу,

Прибалтику, Правобережную Украину, предоставил австрийскому императору шестимиллионную ссуду для подавления национально-освободительного движения в Италии. В 1849 году с помощью царских войск была подавлена революция в Венгрии.

20.

Генерал Ванновский, назначенный в марте 1901 года министром народного просвещения, в целях успокоения студенческих волнений выступил с либеральными фразами о «любви» к учащейся молодежи и «сердечном попечении» о ней. Проводя ряд незначительных реформ в области просвещения, Ванновский продолжал применять репрессивные меры борьбы с революционным студенчеством: аресты, ссылки, исключения из университетов и т. п.

21.

«Северная Почта» – ежедневная газета, официальный орган министерства внутренних дел царского правительства; выходила в Петербурге с 1 января 1862 по 1869 год. В числе главных редакторов газеты были писатели А. В. Никитенко и И. А. Гончаров. С 1869 года вместо «Северной Почты» стал выходить «Правительственный Вестник».

22.

«Вольное Слово» – еженедельное, а с № 37 двухнедельное издание, выходившее в Женеве в 1881–1883 годах; всего вышло 62 номера. «Вольное Слово» ставило целью объединение оппозиционных элементов и проповедовало либеральные идеи о необходимости преобразования общественного строя России «на началах личной свободы и самоуправления». Фактически оно было основано с ведома охранного отделения членами «Священной дружины» (секретной организации помещичье-дворянских верхов и крупных царских сановников во главе с князем П. Шуваловым и др.) в провокационных целях. Издание редактировалось полицейским агентом А. П. Малынинским.

23.

«Правительственный Вестник» – ежедневная газета, официальный орган царского правительства, выходила в Петербурге с 1869 по 1917 год.

24.

В марте 1880 года 25 московских земских деятелей (профессора, писатели, адвокаты) обратились к министру внутренних дел Лорис-Меликову с петицией. Авторы петиции предлагали расширить права земских собраний и допустить их представителей к участию в государственном управлении.

25.

Имеется в виду «Листок «Народной Воли»» № 2, 20 августа 1880 года, в котором была напечатана статья «К характеристике Лорис-Меликова».

26.

Etats généraux (Генеральные штаты) – сословно-представительное учреждение во Франции XIV–XVIII веков, состоявшее из представителей дворянства, духовенства и горожан (третьего сословия); созывались королем для разрешения административно-финансовых вопросов. Генеральные штаты не собирались в течение 175 лет (1614–1789). В 1789 году Людовик XVI созвал Генеральные штаты для разрешения финансового кризиса. Под давлением народных масс депутаты третьего сословия объявили себя Национальным собранием. В ходе начавшейся буржуазной революции оно было переименовано в Учредительное собрание.

27.

Собрание нотаблей (notables – именитые, знатные люди) созывалось во Франции королем из представителей феодальной знати, духовенства и нескольких богатых горожан для обсуждения важнейших, главным образом финансовых вопросов. При Людовике XVI собрание нотаблей созывалось в 1787 и 1788 годах для

разрешения финансового кризиса в стране. Собрание отказалось принять постановление об обложении налогами привилегированных сословий, после чего Людовик XVI был вынужден созвать Генеральные штаты.

28.

«Диктатурой сердца» иронически называлась кратковременная политика заигрывания с либералами царского сановника Лорис-Меликова, назначенного в 1880 году сначала начальником «Верховной распорядительной комиссии» по борьбе с «крамолой», а затем министром внутренних дел. Обещание «уступок» либералам и беспощадные репрессии против революционеров – на этом пытался построить свою политику Лорис-Меликов. Эта политика лавирования, вызванная революционной ситуацией 1879–1880 годов, имела своей целью ослабление революционного движения и привлечение на сторону царизма оппозиционно настроенной либеральной буржуазии. После того как революционная волна 1879–1880 годов была отбита, царское правительство отказалось от политики «диктатуры сердца» и поспешило издать манифест о «незыблемости» самодержавия. В апреле 1881 года Лорис-Меликову пришлось уйти в отставку.

29.

«Социал-Демократ» – литературно-политическое

обозрение; издавалось группой «Освобождение труда» за границей (Лондон – Женева) в 1890–1892 годах, сыграло большую роль в распространении идей марксизма в России; всего вышло четыре книги. Главное участие в «Социал-Демократе» принимали Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич.

30.

1 марта 1881 года народовольцами был убит Александр П.

31.

«Порядок» – умеренно-либеральная политическая и литературная газета. Выходила в Петербурге в 1881–1882 годах под редакцией М. М. Стасюлевича.

32.

«Страна» – умеренно-либеральная политическая и литературная газета. Выходила в Петербурге под редакцией Л. А. Полонского в 1880–1883 годах сначала два раза, а с 1881 года три раза в неделю.

33.

«Голос» – ежедневная умеренно-либеральная политическая и литературная газета, выходившая в Петербурге с 1863 по 1884 год под редакцией А. А. Краевского; к революционному движению относилась враждебно.

34.

Имеется в виду Манифест Александра III об утверждении и охране самодержавия, составленный отличавшимся крайней реакционностью взглядов царским сановником К. П. Победоносцевым. Манифест выражал реакционную сущность внутренней и внешней политики режима при Александре III.

35.

Макиавеллистический план – план в духе политики Макиавелли (итальянского политического деятеля конца XV – начала XVI веков), который в борьбе за достижение поставленной цели не пренебрегал никакими средствами, в том числе вероломством, предательством, обманом, убийством и т. п.

133.

«Колокол», выходивший под девизом «Vivos Voco!» («Зову живых!»), издавался А. И. Герценом и Н. П. Огаревым с 1 июля 1857 по апрель 1865 года в Лондоне и с 1865 по июль 1867 года в Женеве ежемесячно, а некоторое время два раза в месяц. Вышло 245 номеров. В 1868 году журнал выходил на французском языке; к некоторым номерам печатались приложения на русском языке. «Колокол» печатался тиражом до 2500 экземпляров и широко распространялся

по всей России. Обличая произвол самодержавия, хищничество и казнокрадство чиновников, беспощадную эксплуатацию крестьян помещиками, «Колокол» обращался с революционными призывами и содействовал пробуждению масс к борьбе против царского правительства и господствующих классов.

134.

«La Revue des deux Mondes» («Обозрение Старого и Нового Света») – французский ежемесячный буржуазно-либеральный журнал; выходил в Париже с 1829 по 1940 год. Начал выходить как литературно-художественный журнал, затем все большее место уделял вопросам философии и политики. В журнале в разное время сотрудничали виднейшие писатели: В. Гюго, Жорж Санд, О. Бальзак, А. Дюма и др. С 1948 года журнал выходит под названием «La Revue. Litterature, histoire, arts et sciences des deux mondes» («Обозрение. Литература, история, искусство и наука старого и нового света»).

135.

Имеется в виду польское национально-освободительное восстание 1863–1864 годов, направленное против гнета царского самодержавия. Непосредственным поводом к восстанию послужил особый рекрутский набор, который решили провести царское правительство и правящие

круги Польши в целях массового удаления из городов революционно настроенной молодежи. Вначале восстанием руководил Центральный национальный комитет, сформированный мелко шляхетской партией «красных» в 1862 году. Его программа, содержащая требования национальной независимости Польши, равноправия всех мужчин страны без различия религии и происхождения; передачи крестьянам обрабатываемой ими земли в полную собственность без выкупа, отмены барщины; вознаграждения помещиков за землю из государственных средств и др., привлекла к восстанию самые разнообразные слои польского населения: ремесленников, рабочих, студенчество, шляхетскую интеллигенцию, часть крестьянства, духовенства.

136.

«На славном посту» – литературный сборник, выпущенный народниками в честь сорокалетнего (1860–1900) юбилея литературной и общественной деятельности одного из идеологов народничества Н. К. Михайловского. В сборнике были напечатаны статьи Н. Анненского, Н. Карышева, П. Милюкова, Н. Михайловского, П. Мокиевского, В. Мякотина, А. Пешехонова, М. Рафаилова, Н. Рубакина, В. Семевского, В. Чернова, А. Чупрова, С. Южакова и др.

137.

«Современник» – ежемесячный научно-политический и литературный журнал, основанный А. С. Пушкиным; выходил в Петербурге с 1836 по 1866 год. С 1847 по 1862 год журнал издавался Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым, а с 1863 года одним Н. А. Некрасовым. В журнале сотрудничали: В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. В. Шелгунов, М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Антонович и др. «Современник» являлся лучшим журналом своего времени, отражавшим стремления революционной демократии и имевшим большое влияние на прогрессивные элементы русского общества и особенно на революционно настроенную молодежь. В период крестьянской реформы журнал был органом революционной демократии, проповедовал идеи революции, борьбы масс за свержение царизма, отстаивал интересы крестьянства. В 1866 году журнал был закрыт царским правительством.

138.

«Русское Слово» – ежемесячный литературно-политический журнал, издавался в Петербурге с 1859 по 1866 год. В нем сотрудничали Д. И. Писарев, Н. В. Шелгунов и др. Журнал являлся одним из прогрессивных, влиятельных органов, проповедовавших идеи революционного демократизма, и оказывал большое влияние на передовую молодежь 60-х годов. В 1866 году журнал был закрыт царским правительством.

139.

«День» – еженедельная газета славянофильского направления, издававшаяся И. С. Аксаковым; выходила в Москве с 1861 по 1865 год.

140.

«Литературный фонд» («Общество литературного фонда для пособия нуждающимся литераторам и ученым и их семьям») – легальное добровольное общество, основанное при участии Н. Г. Чернышевского в Петербурге в 1859 году. Под предлогом оказания помощи нуждающимся литераторам и ученым организаторы общества пытались сплотить передовую, революционно настроенную часть интеллигенции. В апреле 1862 года была сделана попытка создать легальную студенческую организацию. Было создано «Отделение для пособия бедным учащимся» (2-ое отделение при «Литературном фонде»). Во главе отделения стоял студенческий комитет. Значительная часть членов комитета была связана с нелегальной революционной организацией «Земля и воля». В июне 1862 года «Отделение» было закрыто царским правительством.

141.

Шахматный клуб был создан по инициативе Н. Г. Чернышевского и его ближайших друзей в Петербурге

в январе 1862 года. В числе руководителей клуба были Н. А. Некрасов, братья А. А. и Н. А. Серно-Соловьевичи, братья В. С. и Н. С. Курочкины, П. Л. Лавров, Г. Е. Благодетель, Г. З. Елисеев, Н. Г. Помяловский. В состав членов клуба входили участники нелегальной революционной организации «Земля и воля». Шахматный клуб фактически являлся клубом литераторов, центром политической и общественной жизни передовой революционно-настроенной интеллигенции Петербурга. В июне 1862 года клуб был закрыт царским правительством.